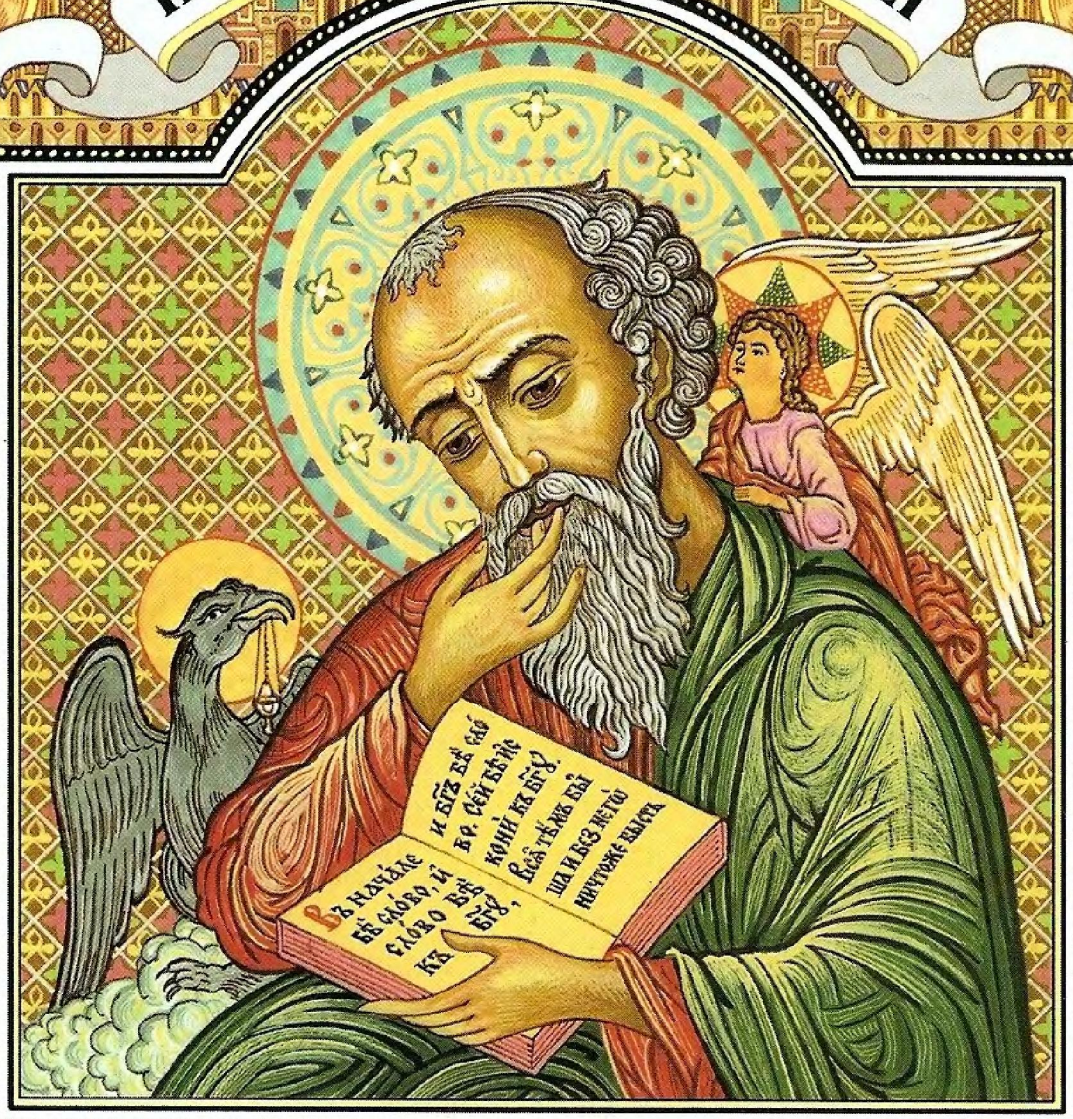
НАШИ СВЯТЫЕ ЗАСТУПНИКИ

АПОСТОЛ И ЕВАНГЕЛИСТ

ИОАНН БОГОСЛОВ

ЄѴ ІѠАННЪ
Въ начѧлѣ
Бѣ сло́во

НАШИ СВЯТЫЕ ЗАСТУПНИКИ

АПОСТОЛ И ЕВАНГЕЛИСТ
ИОАНН БОГОСЛОВ

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва
2002

ББК 86-372
А 76

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Апостол и евангелист Иоанн Богослов. / Сост. Е. В. Тростникова.– М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002.– 112 с.– (Серия «Наши святые заступники»).

ISBN 5-94625-018-3

Книга, открывающая серию о наших святых заступниках, посвящена любимому ученику Господа Иисуса Христа, апостолу любви, евангелисту Иоанну Богослову. Житие святого пересказано здесь языком современной повести, а всё, что добавлено к дошедшему до нас древнему повествованию, прямо «выводится» из него — из самих ситуаций, из черт эпохи и характеров.

Чтобы рассказ о святом был полнее, в книгу включены отрывки подлинных посланий апостола Иоанна Богослова, пронизанные тем же духом любви, что и всё его житие. А рассказ о чудесах святого покажет, почему Иоанн Богослов является покровителем иконописания и как богато он явил свое заступление на нашей Русской земле.

В конце книги — словарик; он составлен так, чтобы и его не было скучно читать.

Для младшего и среднего школьного возраста.

ISBN 5-94625-018-3

© Издательский Совет
Русской Православной Церкви, 2002

Жребий апостола

Читал ли ты Евангелие, Вечную Книгу? Но если даже ты не читал всё Евангелие целиком, ты можешь знать, что Евангелий четыре — каждое из них писал один из апóстолов*. Четвёртое из Евангелий написано апостолом Иоанном Богословом — любимым учеником Христа, о котором говорится во всех четырёх Евангелиях.

Он один из учеников Христовых стоял у Креста, вместе с Матерью Божией. И Господь Иисус Христос, видя Матерь Свою и ученика, тут стоящего, сказал Матери Своей:

— Женщина! Вот сын Твой!

И потом ученику — Иоанну:

— Вот Матерь твоя!

«И с этого времени ученик сей взял Её к себе»,— вспоминает эту минуту Иоанн в своём Евангелии.

С тех пор Матерь Божия жила в доме Иоанна.

---

* *Слова, помеченные звёздочкой, объясняются в словарике на с. 107.*

Шли годы. Около десяти лет занимались апостолы устроением Церкви в Иерусалиме, а потом начались первые гонения на христиан: царь Ирод Агриппа обезглавил апостола Иакова, заключил в темницу апостола Петра и тоже хотел убить его. Тогда апостолы, с согласия Пресвятой Богородицы, решили, что пора им удалиться из Иерусалима и нести веру Христову в разные страны, всё дальше.

А чтобы всё это совершалось не по человеческим хотениям и случайному выбору, они бросили жребий: кому какую страну избрать для проповеди. На табличках ли, или на клочках пергамента или папируса (этого мы не знаем и предание нам не сохранило) они написали названия разных стран и дальних областей, и каждый вынул свой жребий. Иоанну Богослову досталась Азия*.

Но прежде всего Иоанн должен был оставаться с Пречистой Девой Богородицей, которую поручил ему Сам Господь.

... И ещё годы прошли.

Много разного было за эти годы. Иоанн Богослов побывал с Пречистой Девой и в Азии, в её столице Эфе́се — там они скрывались в дни самых сильных гонений; путешествовал с Пресвятой Богородицей на остров Кипр (там был епископом* Лазарь, которого когда-то воскресил Господь); буря занесла их к неведомому берегу — полуострову Афон, который избрала Пречистая в Свой удел на земле и благословила на вечные времена... Но во все эти годы не было у Иоанна своей судьбы: он жил жизнью Пречистой Девы Богородицы, как до того жил жизнью Учителя и Спасителя и Господа своего...

Однажды по улицам Иерусалима двигалось необыкновенное погребальное шествие. Необыкновенность его была в каком-то дивном свете, который пронизывал всё, лежал на лицах участников шествия, даже если и текли у них по щекам слёзы. Шествие и не было похоже на похороны. Это было то, что уже почти две тысячи

лет празднует православная Церковь как один из величайших своих праздников — Успение Пресвятой Богородицы. Отошла Пречистая Дева к Сыну Своему и Богу. А ученики-апостолы, чудом собравшиеся перед Её кончиной в Её горнице, в доме Иоанна Богослова, увидели, как в свете Божественной славы Сам Господь Иисус Христос принял душу Её. Не смертью было это, а переходом из жизни в жизнь, в жизнь вечную!

Оттого и светились лица учеников. А впереди, перед одро́м* с телом усопшей, шёл Иоанн Богослов с сиявшей небесным светом пальмовой веткой в руках. То была райская ветвь, которую архангел Гавриил вручил Пречистой Деве, когда принёс Ей желанную весть о скором успении — о скорой и вечной встрече Её с Божественным Сыном...

Два дня молились апостолы у гробницы Божией Матери — пещеры в Гефсиманском саду. А на третий день отвалили камень, загораживший вход в пещеру, чтобы дать проститься с телом Пречистой Девы запоздавшему апостолу Фоме — и увидели, что гроб пуст и что там, где лежало тело Богородицы, осталась лишь прикрывавшая его плащани́ца...

И в тот же день увидели Её ученики, окружённую Ангелами:

— Радуйтесь! Я с вами во все дни! — сказала Пресвятая Дева.

Не оставила Она ни их, ни мира во Успении своём. Ещё сильнее был теперь Её молитвенный покров над ними, всегда была с ними Её помощь и любовь. Но земле и земному Она не оставила ничего. И окончились с Её успением земные обязательства Иоанна.

Теперь начинался для любимого ученика Христова, для духовного сына Пречистой Девы свой путь, свой жребий.

Этот путь делил с ним его верный ученик — юный Прохор.

Кораблекрушение

— Отчего ты так задумчив, учитель? — спросил Прохор.

— На море нас ждут напасти,— отвечал Иоанн.— Но такова воля Божия. Унывать не следует, однако приготовь душу к испытаниям.

Они сели на корабль в Иоппи́и[1]; погода была ясной, и ничто не предвещало бури. Но еще не закатилось солнце, как налетел шторм. Волны швыряли корабль, как скорлупку, а буря всё усиливалась. Глубокой ночью страшный удар потряс корабль: он налетел на подводную скалу и разбился. Среди рёва моря нельзя было расслышать ни треска ломаемого бурей корабля, ни общих криков ужаса; глубокую тьму иногда рассекали вспышки молний. Очутившись в волнах, каждый хватался за обломки корабля, чтобы не пойти ко дну...

[1] *Иоппи́я* — нынешняя Яффа — порт на Средиземном море, служивший гаванью Иерусалима, от которого находится в 56 км.

Наступило утро, и волнение на море стало стихать. К полудню Прохора и других мореплавателей вынесло к берегу. О чудо! Все остались живы, все были здесь, хоть и потрёпанные бурей, измученные, продрогшие,— все, кроме Иоанна... Они оказались в пяти по́прищах[1] от Селевки́и[2]. Несколько дней обходил Прохор побережье, расспрашивая всех встречных в надежде услышать, что море вынесло и Иоанна,— но не узнал ничего утешительного. Он понял, что учитель погиб.

Горько рыдал Прохор, оплакивая своего наставника и друга. Он чувствовал себя осиротевшим, совершенно одиноким. Потом он вспомнил, что на нём лежит долг: жребий Иоанна. Теперь не вместе с Иоанном, а вместо него он должен идти в Азию проповедовать Евангелие — весть о воплощении, проповеди, смерти и воскресении Христа. И, ещё почти ничего не видя от слёз и пошатываясь от слабости, он пустился в путь по берегу моря...

Прошло две недели. Однажды Прохор, измученный дорогой, сидел на берегу, неотрывно глядя на море, и тосковал об Иоанне. Вдруг среди ясного неба с совершенно спокойного и гладкого моря налетела единственная, но громадная волна, с великим шумом хлынула на берег и выбросила человеческое тело. Прохор в страшном волнении вскочил и, спотыкаясь на бегу, бросился к тому месту. Потрясённый, сквозь набегающие слёзы он увидел то, что знало его сердце уже тогда, когда чудесная волна плеснула всей силой на берег: увидел, что это Иоанн!

Обнявшись, учитель и ученик плакали и благодарили Бога. Четырнадцать дней и четырнадцать ночей носили Иоанна морские волны —и, благодатью Божией, он остался жив!

---

[1] *По́прище* — мера расстояния, около полутора километров.

[2] *Селевки́я* — город в Сирии, морской порт сирийской столицы Антиохи́и (как Иоппи́я-Яффа — порт Иерусалима). До восточной части Азии отсюда не так уж далеко, но до Эфеса — около тысячи километров пешего пути.

В селении путники попросили воды и хлеба и, подкрепившись, отправились в Эфе́с.

Через полмесяца пути они достигли цели своего путешествия. За несколько лет до этого в Эфесе целых три года проповедовал Евангелие и претерпел немало приключений апостол Павел[1]. Но Иоанн не стал разыскивать эфесских христиан. Он знал, что неизбежно встретится с ними, а сейчас он пришёл к язычникам Эфеса — к тем, кто ещё не познал Истинного Бога и ничего не слышал о Христе.

Нищими, никому неведомыми странниками пришли Иоанн и Прохор в большой, знаменитый, богатый город Эфес.

В Эфесе

Эфес — столица римской провинции Азия, был знаменит прежде всего храмом богини Артеми́ды. По преданию, в древние времена статуя этой богини упала с неба, и с тех пор Эфес стал центром почитания Артемиды. Только вот Артемида Эфесская была непохожа на ту богиню-девушку, покровительницу охоты, которую знали и изображали в других частях древнегреческого мира: древняя статуя, которую язычники считали ниспосланной самой богиней, изображала женщину со множеством грудей, Великую Мать, покровительницу рождения, плодовитости.

Отовсюду стекались в Эфес люди поклониться Артемиде и испросить у нее богатства, семейного благополучия, жизненных благ. Храм Артемиды Эфесской в древности считался одним из семи чудес света — настолько был он великолепен. Тот, древний

[1] Об этом рассказывается в книге Деяний святых апостолов, входящей в Новый Завет, в главах 18–19.

храм сгорел: его сжёг человек по имени Геростра́т, чтобы прославиться и чтобы через тысячи лет люди помнили его имя. Но потом отстроили новый храм — быть может, еще более великолепный. Много дохода приносила Артемида Эфесская не только эфесским жрецам*, но и содержателям гостиниц, и всем торговцам, и особенно ремесленникам, которые изготовляли для продажи приезжим множество копий храма и статуи Артемиды — из дерева и камня, серебра и золота.

День близился к вечеру, когда Иоанн и Прохор вошли в Эфес.

Усталые, запылённые, присели они на камень на краю рыночной площади, чтобы передохнуть, осмотреться и вкусить хлеба. Вскоре они заметили, что на них с пристальным вниманием смотрит какая-то женщина средних лет. Встретив взгляд Прохора, женщина решительно подошла к ним.

— Вы чужестранцы и никого не знаете в Эфесе,— сказала она, и было непонятно, спрашивает она или

утверждает. Голос у нее был властный, но она старалась говорить ласково.

— Да, госпожа,— ответил Иоанн, спокойно и прямо взглянув на неё.

— У вас, наверное, и денег на гостиницу нет? Куда же вы пойдёте? Не хотите ли немного услужить мне? А я за это дам вам кров и пищу.

— Бог послал нам тебя, госпожа. Нам нужен приют в Эфесе, и мы рады будем потрудиться для тебя, насколько хватит наших сил.

— Тогда идите за мной. Зовите меня госпожа Романа.

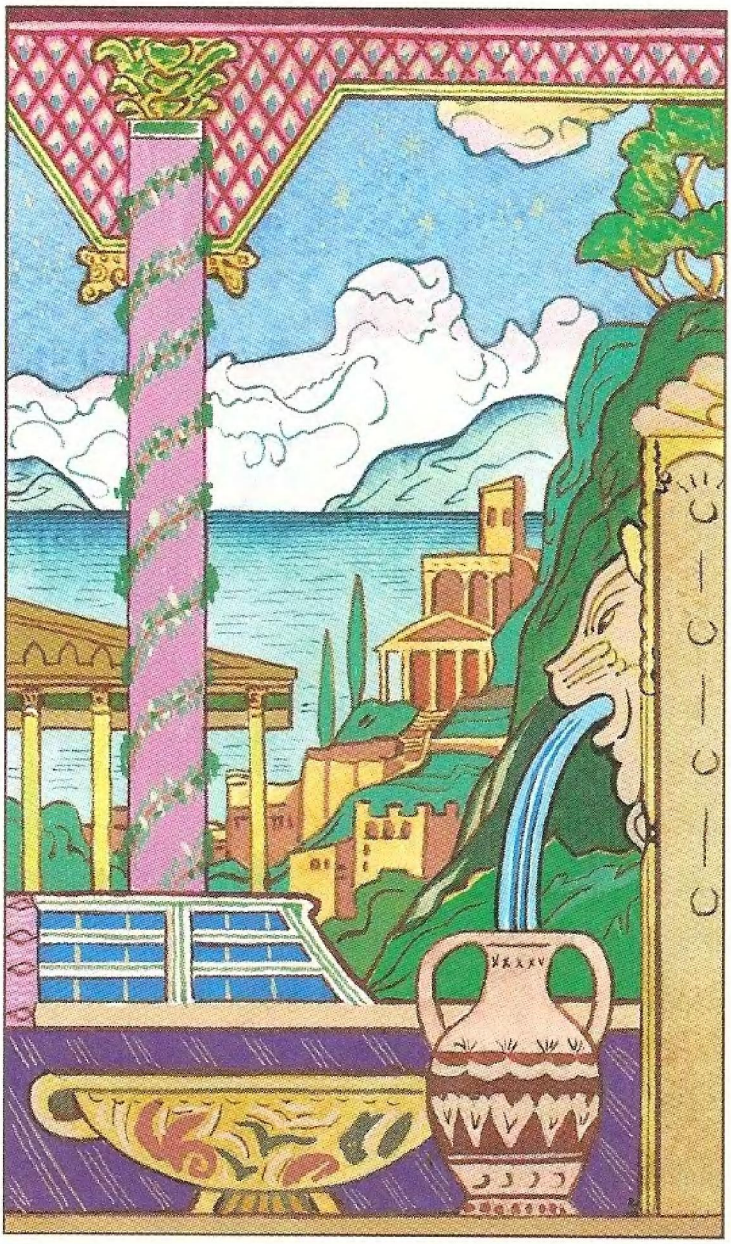
Иоанн и Прохор пошли за нею. Миновав несколько улочек, они очутились у большого и нарядного здания, в котором сразу признали бани.

Госпожа Романа оказалась хозяйкой главных и лучших бань Эфеса. В ту пору по всей Римской империи бани были одним из главных мест досуга: их посещали ежедневно, здесь не просто мылись и отдыхали, но и общались друг с другом. В банях были разнообразные бассейны, их окружали сады для прогулок и площадки для подвижных игр; залы были высокие, наполненные светом, отделанные дорогими сортами камня и всячески изукрашенные. Содержать бани было делом доходным и даже почётным.

Романа направилась к дому, ближайшему с банями; дом был большой, со множеством пристроек. Она кликнула слуг и велела накормить путников. Уже темнело; когда путники поели со слугами, Романа отвела их в небольшую пустую лачужку.

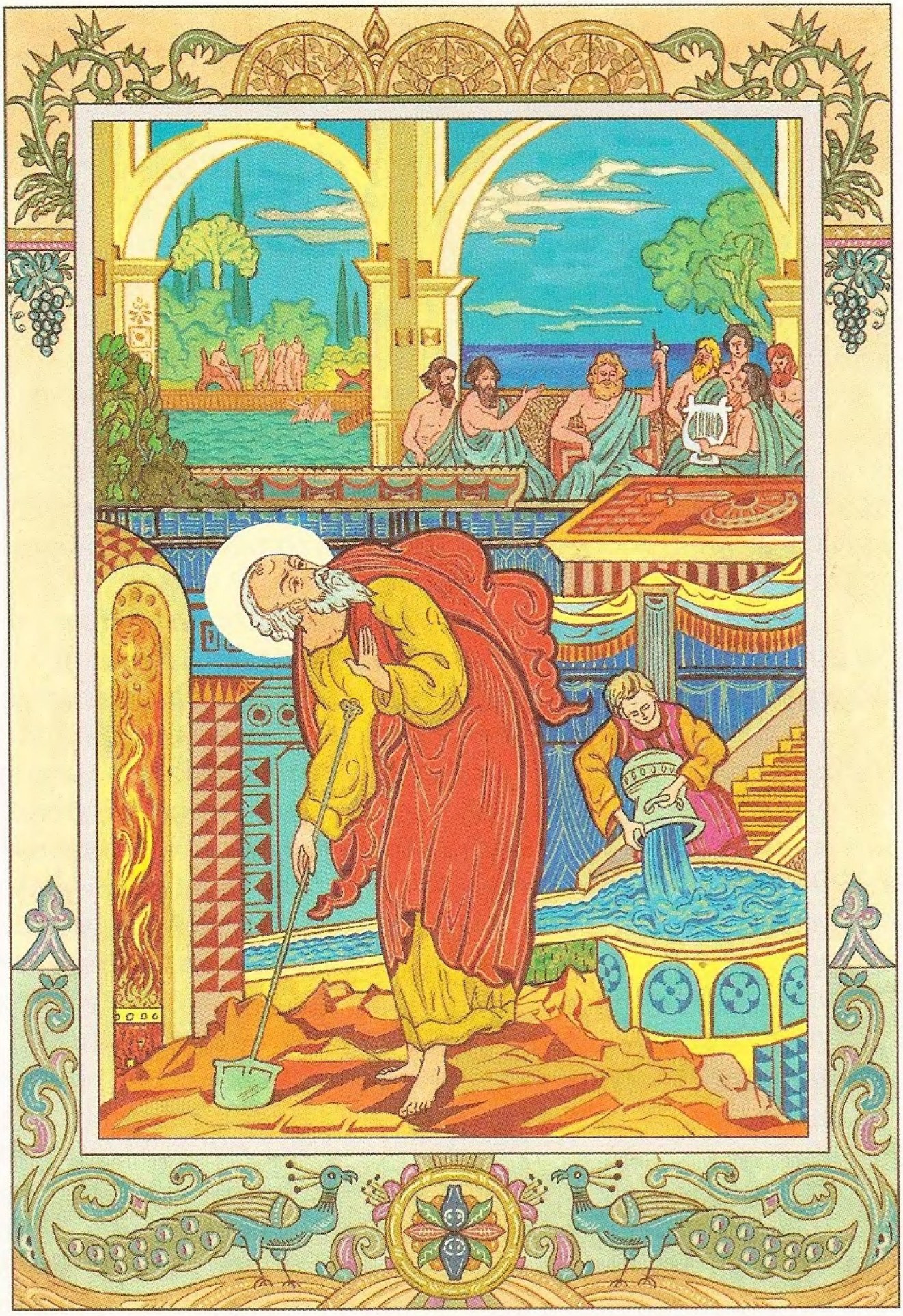
— Здесь переночуете,— сказала она своим властным голосом, в котором уже не осталось ласковых ноток,— а завтра я задам вам работу.

С утра началась работа. Проворные и угрюмые слуги Романы показали, что и как надо делать. Иоанну

выпало поддерживать огонь в топке, от которой нагревалась вся баня. Топка находилась в подвале, откуда по сложной системе труб горячая вода поступала во все помещения бани, разогревала полы. Прохор же должен был целый день таскать и наливать в баки воду. В Эфесе, как и в других благоустроенных городах Римской империи, был акведу́к, то есть наружный водопровод, по которому вода поступала в город от чистых источников за его пределами. Акведук проходил совсем недалеко от бань, но воды требовалось огромное количество, и Прохор едва успевал носить вёдра.

Иоанну в жару топки было ещё тяжелее. Работа была изнурительной, с непривычки — вдвойне: в постоянном жару и пару, без минуты передышки. Сперва слуги Романы ещё были рядом и помогали апостолам, но скоро хозяйка вызвала их на другие работы — зато сама стала чуть ли не каждую минуту заходить проверять, как справляются новые работники, и через час во все горло кричала на них, а к вечеру набросилась на Прохора с побоями за то, что он не успел доверху наполнить бак.

— Я знаю, вы беглые рабы или преступники! — визжала она.— Но если вы сбежали от своих хозяев или из темницы — не думайте, что сможете сбежать от меня! Если вы не угодите мне — я вас выдам властям, и тогда вам не миновать казни!

— Мы не рабы и не преступники, госпожа,— смиренно сказал Иоанн, но Романа не слушала его.

Поздним вечером, почти ночью она выпустила их из бани, втолкнула в каморку, где они ночевали, и с бранью швырнула им скудную пищу.

— Учитель, зачем нам здесь оставаться? — спросил Прохор, едва она захлопнула дверь снаружи.— Ведь мы и вправду не рабы и не преступники; что же мешает нам уйти? Неужели мы не сможем оправдаться перед любой стражей, которая попытается схватить нас?

— Ты ещё не знаешь, в чём Божия воля, благая и совершенная,— ласково и спокойно отвечал Иоанн.— Поверь, нет для нас в Эфесе лучшего места, чем этот дом, куда привёл нас Сам Господь. Так надо для спасения многих душ. К тому же вспомни, что, посылая нас на проповедь, Господь Иисус Христос сказал: ***Если где войдете в дом, оставайтесь в нем, доколе не выйдете из того места*** *(Евангелие от Марка, глава 6, стих 10)*. Нам ещё рано выходить из Эфеса, наша проповедь ещё и не начиналась. Потерпи же ради Господа.

Так остались апостолы у Романы на положении рабов, обречённые на непосильный труд.

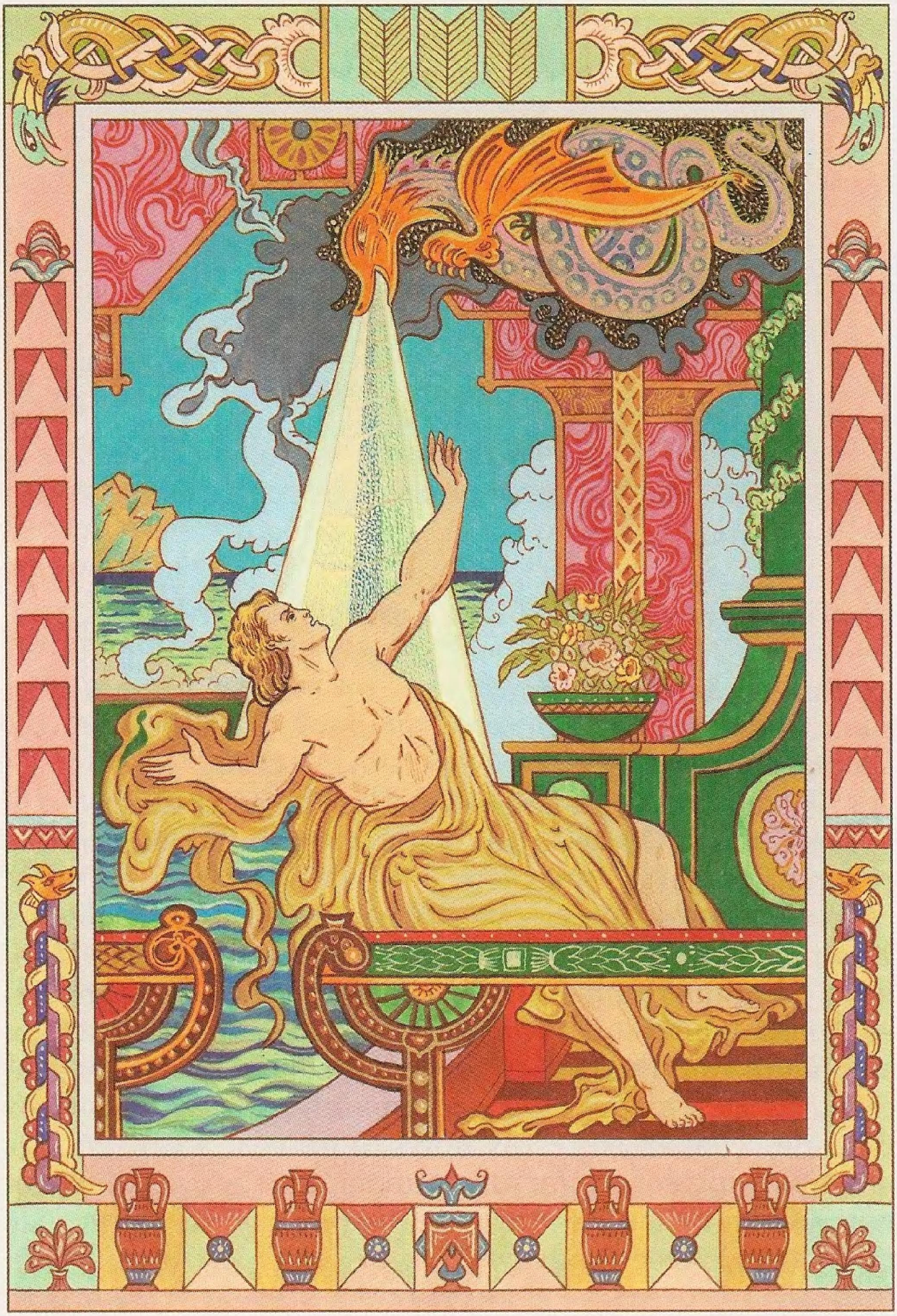

Гибель Домна

Вскоре Прохор многое узнал о Романе от её рабов, с которыми ему случалось перемолвиться несколькими словами в редкие минуты отдыха.

— Наша госпожа до самого Рима прославилась своей злобой, а уж в Эфесе все её боятся! — почти с гордостью говорили рабы.

— А знаешь, почему у неё все дела идут так успешно и наши бани процветают? — спросил однажды Прохора наедине старый раб и тут же перешёл на шёпот: — Когда начинали строить здание, в основание живьём закопали юношу и девушку! Это самое сильное колдовство, жертва ду́хам, и с тех пор они во всём помогают Романе. Только вот с тех пор что ни год, а кто-нибудь да умрёт прямо в бане: или юноша, или девушка. Поди догадайся, отчего! А это ду́хи, охраняющие бани, уже сами берут себе жертву! Не-е-ет, задаром они, ду́хи, никому помогать не станут! Вот и выходит: у кого-то

в доме плач, а у госпожи Романы денежка к денежке прибывает!

Но за пределами дома Романы никто не знал страшной тайны. Однако не могла без конца длиться такая безнаказанная власть бесов. И буря разразилась — как раз при Иоанне и Прохоре.

В баню пришёл сын городского старейшины* Диоскóра, юноша Домн. Вдруг, во время мытья, с Домном случилось что-то страшное: статный, пышущий здоровьем юноша внезапно стал задыхаться, будто кто-то душил его, и, с ужасным хрипом упав на пол, умер. Зрелище этой смерти было настолько жутким и противоестественным, что все, кто был рядом, не могли прийти в себя и не находили слов для того, чтобы передать увиденное. Весть о страшной гибели Домна мгновенно разнеслась по городу; всюду слышались вопли и плач: плакали, как по собственному покойнику. Домна знали и даже любили все — не только потому, что он был сыном старейшины, а прежде всего потому, что это был светлый, прекрасный душой и телом юноша, которым все любовались и гордились, как украшением Эфеса.

Беда не приходит одна. Когда вестники смерти явились в дом старейшины и рассказали ему о гибели сына, сердце несчастного отца не выдержало. Диоскор упал бездыханным.

От этого второго несчастья весь город замер, как громом поражённый. Но больше всех эти две смерти поразили Роману. Она громко кричала, рыдала, рвала на себе волосы. Многие годы она как будто и не думала о тех юношах и девушках, что погибали, становясь жертвой бесов. Если что и мучило её, то никто и не подозревал об этом. А теперь Романа вне себя металась по дому, а потом, рухнув на колени перед

маленькой статуей Артемиды, стоявшей во внутреннем дворике её дома, с воплем стала молиться богине:

— О благая, всемогущая богиня, подательница жизни! Ты можешь всё, бессмертная! Воскреси Домна! Верни ему жизнь! Всё моё имущество, всё, чем я владею, я отдам твоему храму и всегда буду верной твоей рабыней — только воскреси Домна! Вот, ты видишь, как я терзаю своё тело, как мне не жаль его! Я и худшее с собою сделаю, всем пожертвую тебе — только воскреси Домна!

И она безжалостно вырывала целые пряди волос, билась головой об пол и яростно царапала свое лицо и тело, так что скоро была вся в крови. Но, конечно, Домн оставался бездыханным...

Воскрешение

Романа выбежала во двор и увидела Иоанна: он только что вышел из котельной и расспрашивал Прохора о случившемся. В ярости Романа бросилась на Иоанна со страшным воплем:

— А-а-а-а! Это ты, ты погубил его! Я знаю, ты хотел моей погибели и потому накалил котёл так, что бедный мальчик не выдержал жара и умер! Ты — убийца! Ты!

И она безжалостно вцепилась в волосы и бороду Иоанна, стала бить его и кричать:

— Если ты не воскресишь Домна, я вот этими самыми руками вырву душу из твоего тела!

Иоанн спокойно отстранился — руки Романы разжались сами — и сказал:

— Веди меня к нему.

Тело юноши, прикрытое покрывалом, всё ещё лежало во дворе бани: из-за внезапной смерти отца никто не успел распорядиться о том, чтобы приготовить тело сына к погребению.

— Отойдите все,— сказал Иоанн и добавил: — Все, кроме Прохора.

Все покорно отошли, а Иоанн откинул покрывало с лица юноши и погрузился в глубокую молитву.

Никто не понял, сколько прошло времени, долго ли длилась эта неслышная для стоявших поодаль потрясённых свидетелей молитва. Мало того: все, кто стоял там, во дворе, не могли и глаз поднять на Иоанна; не осталось ни любопытства, ни мыслей, а только страх и ожидание.

А потом они смогли поднять глаза и увидели, что Домн сидит. И это был не «оживший покойник», не какой-то живой труп — а тот светлый, ясный юноша, которого любил весь Эфес,— полный жизни, настоящий; только в лице его было что-то невыразимое, ещё нездешнее.

Романа бросилась к ногам Иоанна.

— Ты бог! — кричала она.— Бог или сын богов! Прости меня, бессмертный!

В ответ Иоанн стал говорить ей о Едином Истинном Боге, о силе Христовой, и учил её веровать во Христа, Сына Божия.

А потом вместе с Прохором, Романой и Домном Иоанн пошёл в дом Диоскора и воскресил и его.

И Домн, и Диоскор, и Романа всей душой уверовали в Господа Иисуса Христа, о котором поведал им Иоанн, и приняли от рук Иоанна святое крещение. Романа принесла покаяние во всех своих грехах.

Иоанн изгнал из бани злого беса, а после этого, по просьбе Диоскора, вместе с Прохором стал жить в его доме. Романа не смела упрашивать их остаться у неё. Она и сама почти поселилась в доме Диоскора: Иоанн утверждал новопросвещённых[1] в вере и учил их добродетельной жизни.

Чудеса перед храмом Артемиды

Вскоре в Эфесе наступил ежегодный праздник Артемиде. Народ в белых одеждах торжествовал и ликовал при храме. Перед храмом стояла статуя Артемиды.

Иоанн вышел на это торжество, встал на высоком месте близ идола* и начал обличать народ в слепоте, что они не знают кому поклоняться и вместо Бога почитают беса.

— Эфе́сяне! Вы собрались тут, думая, что чтите богиню. Слепцы! Вы поклоняетесь бесу вместо Бога!

Толпа пришла в ярость.

— Нечестивец! Смерть ему!

---

[1] Святое Крещение называется также просвещением: в этом таинстве человек озаряется светом Божиим, становится сыном света.

В Иоанна полетели камни. Но что это? Ни один из камней не попал в него: все пролетали мимо и попадали в самих бросающих. Сначала никто не понял, в чём дело, смятение и крики толпы только усиливались, но когда уже многие упали на землю окровавленными, толпа растерялась. Пронёсся ропот ужаса.

Иоанн поднял руки к небу и стал молиться. Вдруг воздух сделался знойным, совсем горячим. Многим стало дурно. Около двухсот человек упало замертво. Страх охватил толпу, и те, кто лишь несколько минут назад швырял камни в Иоанна, протянули к нему руки и стали с мольбой взывать:

— Смилуйся, Божий человек! Смилуйся, великий волшебник! Восставь наказанных тобой!

И вот по молитве Иоанна наступила прохлада, а к лежавшим бездыханными людям вернулась жизнь.

Никто уже не думал об Артемиде, о древнем празднике. Все внимали каждому слову Иоанна. А он говорил народу о Едином Истинном Боге, о Христе, Сыне Божием, о Его любви к людям, Его великой жертве за мир и славном Его воскресении. И о том, как соединиться со Христом Спасителем, как обрести жизнь вечную в таинстве Крещения.

И все слушавшие уверовали по слову его и крестились.

Месть

Много и других чудес совершил Иоанн в эти дни. Слух о них пронёсся повсюду. Но Эфес — большой город, да ещё всегда полный приезжих, и лишь малая часть из этого множества людей присутствовала при чудесах и слышала проповедь Иоанна. Остальные же с удовольствием пересказывали слухи о чудесах, мечтали взглянуть на нового чудотворца — и вовсе не думали

менять свою жизнь. Храм Артемиды не опустел; по-прежнему, на кораблях и пешком, прибывали в Эфес толпы людей поклониться богине. Но бес, живший в Артемидином ка́пище*, понимал, что пока Иоанн здесь, в Эфесе,— ему, бесу, не будет покоя и скоро его власти придёт конец. И он решил погубить Иоанна.

...Когда мы смотрим на изображения прекрасных древнегреческих храмов, на удивительные скульптуры, стоявшие когда-то в них, мы не думаем — да и не должны думать! — о них как о «капищах» и «идолах». Перед нами красота, которой уже тысячи лет восхищается человечество.

Но люди древности шли сюда не как в музеи: они шли сюда поклониться своим богам — богам, которых нет. У богов, которых нет, просили они благополучия в торговле и благословения на брак, удачи в делах и успеха в любви. Богам, которых нет, приносили жертвы и готовы порой были посвятить всю свою жизнь...

«Свято место пусто не бывает». И если там, где люди ищут самую главную святыню, не встречает их душа Истинного Бога,— там поселяются другие силы, силы лжи. Отцом лжи назвал Господь Иисус Христос дьявола. И за прекрасными статуями и колоннами, пока к этим статуям и колоннам приходят молиться неправде — встречают людей дети отца лжи. Вот чему они радуются, вот что они шепчут:

«Верьте бездушному камню, доверяйтесь ему! Надейтесь на него, отдавайте ему лучшие силы вашей души!»

Может быть, другого ничего им и не нужно: только бы люди не познали Бога и не узнали правды Его.

...Необычное это было зрелище: на площади Эфеса сидел воин и горько плакал. Люди невольно останавливались возле него, пытались узнать, в чём дело,— а он, казалось, не мог сквозь рыдания вымолвить слова. Наконец, когда вокруг него собралась изрядная толпа, воин овладел собой и начал рассказ:

— Я из Кеса́рии Палестинской[1] — я начальник над темницами. Отдали мне под стражу двух колдунов,

[1] Кеса́рия Палестинская — портовый город на Средиземном море, к северу от Иоппии. Римские правители Палестины предпочитали жить именно в Кесарии.

осуждённых на смерть за ужасные злодеяния. Эти колдуны пришли из Иерусалима, а звали их Иоанн и Прохор. Их должны были казнить наутро, и мне сказано было стеречь их пуще глаза. Ну, я усилил стражу: поставил у всех дверей темницы по два стражника да ещё двоих поместил прямо с ними вместе в темнице, да сам каждый час проверял, всё ли в порядке. Не подумал я, что этим колдунам проклятым вся моя стража нипочём! На рассвете прихожу проверить стражу, выкликаю моих ребят, что в темнице с колдунами, чтоб отозвались да доложили — в ответ ни звука! Вместе со стражниками отпираю темницу (а дверь-то заперта снаружи!) — мои ребята лежат как неживые, цепи да колодки все на месте, а колдунов как не бывало! Ни следа! И ни щёлочки, куда бы они пролезть могли! Всё колдовство их проклятое! Князь как узнал, затрясся весь и кричит: «Тебя самого вместо них казню!» Я еле умолил князя, чтобы дал мне сроку да пустил меня отыскать их. Уж как я их разыскивал да сколько бед претерпел, этого и не рассказать. И вот нашёл я их, нашёл! Тут нашёл! В Эфесе! А как их схватить, злодеев-то этих? Я ж один! И помочь мне некому! Пропадать мне, видно, из-за их колдовства...

И воин (а это и был бес, обитавший в храме Артемиды) зарыдал пуще прежнего. Так рыдая, он вытащил из-за пазухи грамоту с княжеской печатью, развернул её и стал показывать слушателям. Это было свидетельство на поимку двух опасных государственных преступников, Иоанна и Прохора, приметы которых в грамоте приводились. Потом воин вынул из-за пазухи и увесистый узелок с золотом (он развязал его, чтобы показать золото всем желающим).

— Вот... Все мои сбережения... Да жизнь-то дороже! Всё это отдам тому, кто поможет мне поймать злодеев!

— Да мы их знаем! — послышались голоса из толпы.— И верно, это же колдуны! Особенно Иоанн! Весь Эфес слышал, что он тут вытворял! Они живут у Диоскора!

Особенно взволновались воины, которых было немало в толпе. Они-то и подняли весь народ и двинулись к дому Диоскора. У многих в руках были горящие факелы.

— Или выдай нам колдунов, или твой дом зажжём! — сказали солдаты Диоскору, а толпа начала хором кричать:

— Отдай колдунов! Отдай колдунов!

Конечно, Диоскор даже ценой жизни не соглашался выдать Иоанна и Прохора. Он пытался убедить толпу, что они вовсе не колдуны, а напротив, люди святой жизни, но никто его не слушал.

— Лучше я лишусь дома, чем выдам их вам! — крикнул Диоскор, но тут его тронул за плечо подошедший сзади Иоанн и спокойно сказал:

— Оставь, Диоскор. Этот народный мятеж приведёт к добру. Не бойся выдать нас.

Иоанн и Прохор вышли из дома Диоскора и предали себя в руки толпы.

Толпа повлекла их к храму Артемиды. Когда толпа остановилась на площади перед храмом, чтобы произнести перед лицом богини свой приговор пленникам, Иоанн воздел руки и помолился Богу. И тотчас храм рассыпался, как игрушечный,— и при этом ни один обломок не задел никого, не причинил никому вреда. Среди развалин возвышался лишь алтарь. Все замерли. Иоанн громко обратился к алтарю:

— Тебе приказываю, нечистый бес, говори: сколько лет ты живёшь здесь и ты ли возмутил народ против нас?

— Двести сорок девять лет я живу здесь,— раздался отвратительный голос,— и я вооружил этот народ против вас.

— Во имя Иисуса Назаряни́на повелеваю тебе оставить место это! — воскликнул Иоанн, и тотчас что-то ужасное, омерзительное, невыразимое отделилось от алтаря, расширилось, увеличилось — и исчезло. Иные из толпы разглядели отвратительного беса, других же просто объял ужас — но, потрясённые, все тотчас уверовали во Христа, именем Которого изгнал беса Иоанн.

На пути в ссылку

В то время Домициа́н, римский император, начал великое гонение на христиан[1]. Об Иоанне донесли императору, и тот распорядился арестовать его и доставить в Рим. В эти дни Иоанн увидел во сне Господа, Который сказал ему: «Тебе придется много пострадать, и ты будешь изгнан на один остров, который весьма в тебе нуждается». Приказ императора был выполнен немедленно, как только поступил в Эфес: Иоанна, а с ним и Прохора взяли под стражу и отправили в столицу.

Император сперва распорядился жестоко бить Иоанна, а затем повелел дать ему смертельный яд (это был довольно распространенный в древнем мире способ казни). Но яд не повредил верному ученику Христа: ведь Воскресший Господь перед Вознесением Своим обещал ученикам: ***Уверовавших будут сопровождать вот какие зна́мения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать***

[1] Император Домициа́н царствовал в 81–96 гг. по Рождестве Христовом. Он провозгласил себя «владыкой и богом», а всех, кто отказывался воздать ему божеские почести (и прежде всего христиан), наказывал как изменников.

змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы *(Евангелие от Марка, гл. 16, ст. 17–18).*

Потом Иоанн брошен был в котёл с кипящим маслом, но и из котла вышел невредим.

Видя такое чудо, народ кричал:

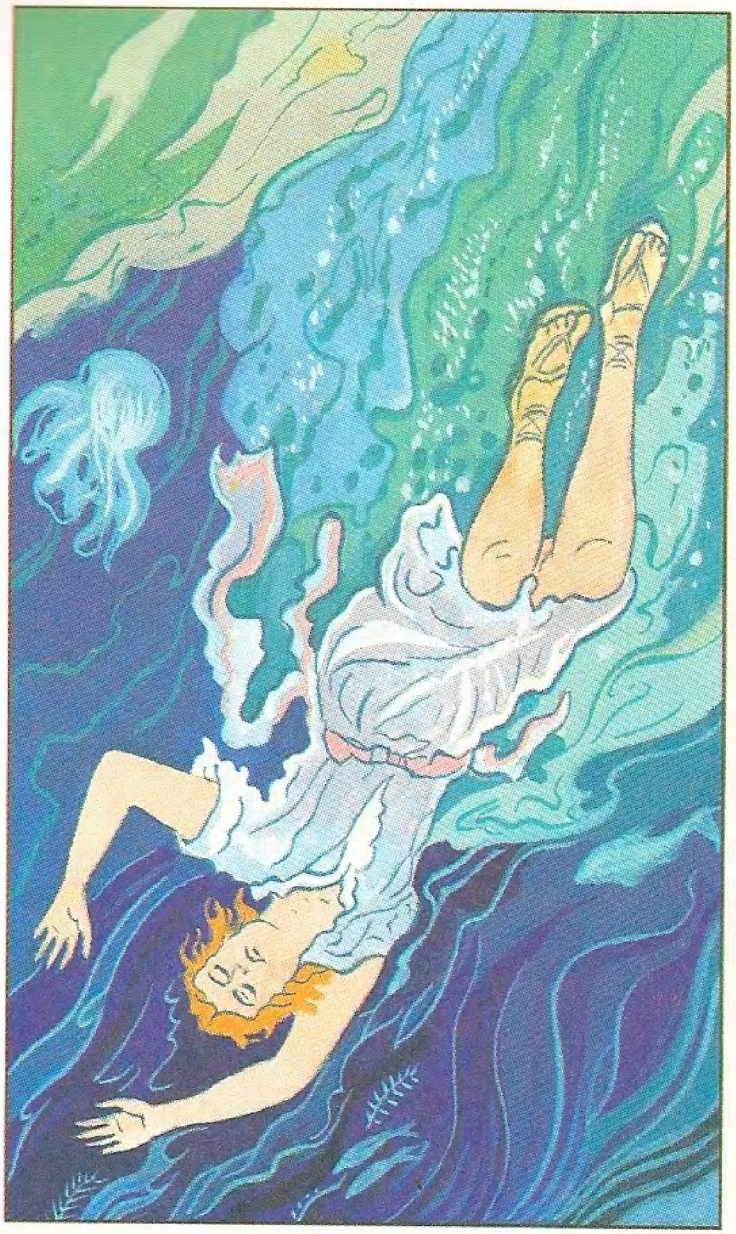
— Велик Бог христианский!

После этого император больше не осмелился мучить Иоанна. Он решил, что Иоанн бессмертен. Людям, не желающим знать Истинного Бога, порой легче поверить в самое невероятное, чем принять истину. Домициан приказал отправить апостола в ссылку на каменистый и дикий остров Па́тмос[1]. Так исполнилось предсказанное Иоанну во сне.

Воины отвели Иоанна с Прохором на корабль и отплыли.

[1] Па́тмос — остров в Эгейском море неподалёку от Малой Азии. Здесь были каменоломни и место ссылок.

Как-то раз во время плавания воины устроили на корабле пирушку. Они пили и веселились и наконец до того разгулялись, что один из них, юноша, упал с корабля в море. Все были пьяны, никто не успел опомниться и тем более броситься на помощь — и юноша утонул. Мгновенно веселье обратилось в скорбь. На корабле был и отец утонувшего юноши; он неудержимо рыдал и от горя хотел сам броситься в море, так что товарищи с трудом удержали его. Все, зная чудеса, творимые Иоанном, начали просить его помощи. Иоанн спросил каждого:

— Какого кто почитает бога?

На вопрос этот иной отвечал: Аполло́на*, иной — Юпи́тера*, иной — Геркуле́са*, другой — Эскула́па*, иные — Артемиду Эфесскую.

— Столько у вас богов, и они не могут спасти одного утонувшего человека,— ответил Иоанн и оставил их в печали до утра.

Иоанн жалел погибшего юношу; он только дал всем время остаться наедине с их скорбными мыслями и убедиться в том, как беспомощны их боги. А наутро он помолился со слезами Богу — и тотчас море взволновалось.

Самая высокая волна обрушилась на корабль и вынесла живого юношу к ногам Иоанна.

Какая радость воцарилась на корабле! Как все дивились чуду! Конечно же, после этого воины не могли уже держать Иоанна в оковах: они сняли с него железные цепи, рады были во всём услужить ему и обращались к нему с величайшим уважением.

Но путешественников ожидали новые испытания. Однажды незадолго до полуночи на море поднялась страшная буря — да такая, что вскоре и корабль, швыряемый по волнам, начал разрушаться. Мореплаватели уже не чаяли остаться живыми, но вспомнили об Иоанне и бросились к нему:

— Божий человек! Умоли своего Бога, чтоб он спас нас от верной гибели!

Повелев им молчать, святой начал молиться — и вот буря прекратилась и настала великая тишина.

Вскоре новая беда стала угрожать мореплавателям: на корабле подходили к концу запасы пресной воды. Люди изнемогали от жажды; многие были уже близки к смерти.

Иоанн сказал Прохору:

— Наполни все сосуды морской водой.

Когда сосуды были наполнены, Иоанн сказал:

— Во имя Иисуса Христа почерпайте и пейте!

И вода в сосудах вместо горько-солёной, морской, оказалась пресной. Это новое чудо оживило всех и вновь показало величие и милосердие «Бога Иоаннова».

— Что нам делать, чтобы получить спасение, о котором ты говорил нам? — спрашивали моряки.

И когда он научил их, с радостью приняли крещение.

После этого воины хотели отпустить Иоанна на свободу, но он убедил их исполнить приговор и отвезти его в назначенное место.

Бегство прорицающего духа

Прибыв на Патмос, воины отвели Иоанна с Прохором к правителю острова, вручив ему и царское предписание. Эти ссыльные должны были находиться под особым присмотром, поэтому Мирон, тесть правителя (отец его жены), взял Иоанна и Прохора в свой дом.

У Мирона был старший сын по имени Аполлони́д, которого все считали за пророка*. И действительно, Аполлонид очень часто верно предсказывал будущее, мог рассказать человеку о том, чего никто не мог знать. Происходило это потому, что в Аполлонида вселился бес прорицающий — то есть предсказывающий будущее и рассказывающий о тайном.

В первый же день после того, как Мирон взял в свой дом Иоанна и Прохора, Аполлонид пропал. Розыски ничего не дали. В доме поднялся плач. Наконец Мирон получил письмо от сына: тот писал, что находится в другом городе, что его изгнал из дома своим

чародейством Иоанн и что он не может возвратиться до тех пор, пока Иоанн не будет погублен.

Понятно, кто заставил бежать Аполлонида из дому и научил его написать такое письмо! Ведь бес, обитавший в нём, знал, что ему, бесу, не жить в одном доме с Иоанном и что ученик Христов легко изгонит его вон!

Прочитав письмо, Мирон побежал с ним к своему зятю — правителю. Правитель тотчас же распорядился схватить Иоанна и собирался предать его на растерзание зверям (в ту пору такая казнь, совершаемая прилюдно, была совсем не редкой).

— Господин! — сказал Иоанн.— Тебе ведь нужно, чтобы сын Мирона вернулся домой? Подожди же немного с моей казнью. Пусть мой ученик, Прохор, отправится к Аполлониду с моим письмом — и я обещаю, что сын тотчас же возвратится в отеческий дом.

Правитель согласился. Он велел сковать Иоанна двумя цепями и бросить в темницу, а Прохор отправился к Аполлониду с посланием. Вот что там было написано:

«Иоанн, апостол Иисуса Христа, Сына Божия, прорицающему духу, живущему в Аполлониде, повелевает: во имя Отца и Сына и Святого Духа выйди из создания Божия и не входи в него никогда, но вне острова оставайся один в местах безводных, а не в людях».

Когда Прохор пришел с этим письмом к Аполлониду, тотчас бес вышел из него. Словно от сна пробудился Аполлонид, к которому вернулся здравый смысл — и поспешно устремился в родной город, обгоняя Прохора и торопя его. Но не в дом свой бросился прежде всего Аполлонид, а в темницу к Иоанну. Упав к ногам апостола, юноша благодарил его за освобождение от нечистого духа.

Вскоре к темнице сбежались все родные Аполлонида, радовались и ликовали. Иоанн был немедленно

освобождён от уз. Когда общее возбуждение немного утихло, Аполлонид начал свой рассказ:

— Вот уже много лет прошло, как всё это случилось. Однажды я крепко спал на своей кровати. Вдруг кто-то — он стоял с левой стороны кровати — стал трясти меня и разбудил. Я открыл глаза и увидел, что он чёрный-чёрный, как головня, а глаза у него огненные — так и горят, будто там свечки. Я затрясся от страха, а он сказал мне: «Раскрой рот». Я раскрыл — и тогда он влез в мой рот! Я чувствовал, как он поместился в моём животе. С этого самого часа я стал знать всё и о добре, и о зле, и обо всём, что делалось в доме. Когда же апостол Христов вошёл в наш дом, тогда сидящий во мне сказал: «Беги отсюда, Аполлонид, чтобы не погибнуть злой смертью, потому что человек этот — чародей и хочет тебя умертвить». И я тотчас убежал в другой город. Иногда приходила мне мысль возвратиться домой, но он не позволял мне, говоря: «Если Иоанн не умрёт, ты не можешь жить в своем доме». А когда ко мне пришёл Прохор и я увидел его — нечистый дух тотчас вышел из меня таким же образом, как вошёл в мой живот. Я почувствовал облегчение от ужасной тяжести, пришёл в разум, и мне стало хорошо.

Услышав этот рассказ, все припали к ногам Иоанна. Тогда он стал рассказывать о Господе нашем Иисусе Христе и учил всех вере. Мирон с женой и детьми уверовали и крестились. Дом Миронов наполнился радостью.

Вскоре и дочь Мирона Хризиппи́да, жена правителя, приняла со своим сыном и всеми рабами Святое Крещение — а вслед за ними крестился и сам правитель, Лаврентий. А чтобы свободнее служить Богу, Лаврентий сложил с себя сан правителя: ведь, правя Патмосом, он должен был бы выполнять распоряжения безбожного императора.

Чародей Кинопс

Три года прожил Иоанн в доме Мирона. Здесь силою Христовой он сотворил множество чудес: исцелял больных и изгонял бесов, одним своим словом разрушил храм Аполлона со всеми его идолами, обратил к вере во Христа и крестил многих людей.

В тех местах, в пустыне, жил волхв*-чародей Ки́нопс. Силой нечистых духов он мог показывать такие чудеса, что жители Патмоса стали считать его богом. Да и удивительно ли это, если в древнем мире было столько мифов* о множестве богов, которые то и дело сходили на землю к смертным, влюблялись в них, женились, обманывали, наказывали, награждали, обижались, мстили...

Вот к Кинопсу-то и пришли жрецы Аполлона, озлобленные разрушением капища и тем, что Иоанн обратил всех людей к вере во Христа.

— Отомсти этому нечестивцу за бесчестие нашего бога! — умоляли они Кинопса.

Кинопс уже много лет безвыходно жил в пустыне и ни за что не хотел покидать её и идти в город. Но жрецы стали ходить к нему снова и снова, умоляли его, докучали ему и совсем не давали покоя. И Кинопс наконец согласился. Нет, не покинуть свою пустыню — он был слишком горд для этого! А вот наказать Иоанна он решился.

— Вы знаете, что мне повинуются ду́хи,— сказал он,— а кто не знает, может теперь убедиться. Я не пойду в город, но завтра же утром я пошлю туда, в дом Мирона, могучего духа, который возьмёт душу вашего Иоанна и предаст её на вечные мучения.

Утром Кинопс вызвал одного из князей над злыми духами и приказал принести к нему душу Иоанна. Бес в мгновение ока перенёсся в дом Мирона, на то место, где находился Иоанн.

Иоанн тотчас увидел его духовным взором и сказал:

— Дух нечистый! Именем Христовым повелеваю тебе не сходить с этого места! Отвечай, зачем ты пришёл ко мне?

Бес словно прирос к месту. Пришлось ему всё рассказать:

— Жрецы Аполлона пришли к Кинопсу и умоляли его, чтобы он шёл в город и навёл на тебя смерть, а он не захотел. Он сказал: «Много лет я живу на этом месте, не выходя. Мне ли, великому чародею, утруждать себя из-за дрянного, ничтожного человечишки? Идите восвояси, а я утром пошлю своего духа, чтобы взял его душу и принёс ко мне, а уж я предам её на вечные мучения».

— Посылал ли он тебя когда-нибудь взять душу человеческую и принести ему? — спросил Иоанн.

— Вся сила сатанинская находится в Кинопсе,— отвечал бес,— он в дружбе с нашими князьями, и мы в дружбе с ним: он повинуется нам, а мы — ему.

Тогда Иоанн сказал:

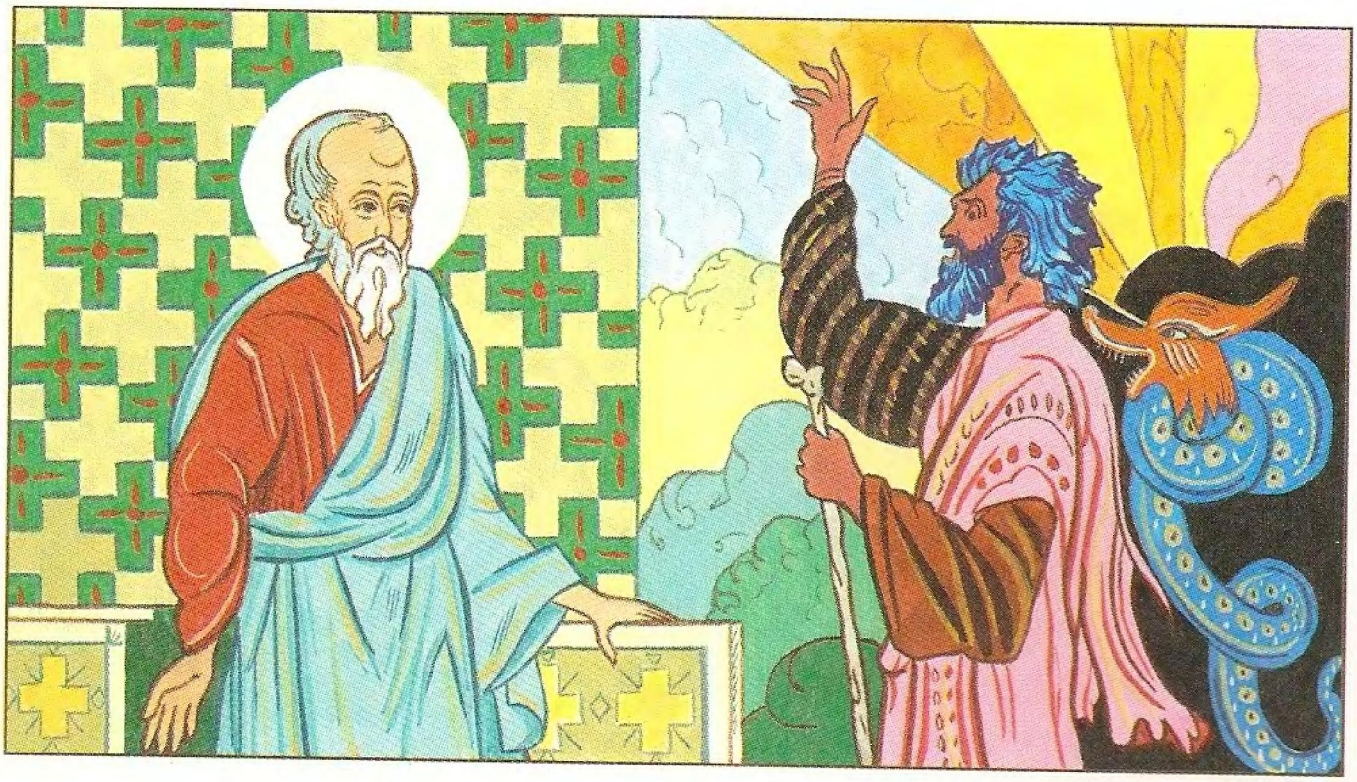
— Я, апостол Иисуса Христа, повелеваю тебе, дух злобы, не входить больше в жилища человеческие и не возвращаться к Кинопсу, навсегда уйти с этого острова и мучиться!

И бес тотчас исчез с острова навсегда.

Между тем Кинопс, не дождавшись возвращения посланного беса, послал другого. Как ты думаешь, что произошло с ним? Конечно, то же, что и с первым! Снова не дождался Кинопс своего отвратительного посланца и не мог понять, что случилось. Тогда он решил послать двоих: пусть один войдёт к Иоанну, а другой наблюдает, что из этого выйдет, и расскажет потом Кинопсу.

Первого беса постигла та же беда, что и прежних двух: Иоанн именем Христовым выгнал его с Патмоса. А второй, тот, что стоял снаружи, увидев всё, в ужасе полетел к Кинопсу и рассказал ему, что было.

Ох как разъярился Кинопс! Он собрал всё бесовское войско и во главе его пошёл в город.

Кто сильнее?

В это время Иоанн на рыночной площади поучал народ. Когда показался Кинопс (его спутники-бесы были, конечно, невидимы для всех), горожане радостно бросились ему навстречу, кланялись, ликовали, благодарили: ведь он, кого одни из них считали богом, а другие великим чудотворцем, уже много-много лет не бывал в городе!

А Кинопс, увидев Иоанна и поняв, что тот учил народ, пришёл в бешенство.

— Слепцы, совратившиеся с истинного пути! — яростно закричал он толпе, приветствовавшей его.— Послушайте меня: если Иоанн праведен и если все слова его справедливы, то пусть он побеседует со мною и пусть совершит такие же чудеса, какие я совершаю; тогда вы сами увидите, кто из нас больше: Иоанн или я. Если он окажется сильнее меня, то и я поверю его словам и делам!

В одном Кинопс был совершенно прав: если уж верить Иоанну, который учит о Единственном Истинном Боге — то никак нельзя радоваться и поклоняться чародею и считать его за бога! Или Кинопс и его бесы — или Иоанн и Христос!

Кинопс выхватил из толпы одного юношу, поставил его перед всеми и спросил:

— Жив ли твой отец?

— Умер,— отвечал юноша.

— Какой смертью?

— Он был моряк. Корабль, на котором он плавал, разбился, и отец утонул.

Тогда Кинопс повернулся к Иоанну и сказал:

— Покажи нам, Иоанн, свою силу, чтобы мы поверили твоему учению! Представь сыну отца его живым!

— Христос послал меня не мёртвых извлекать из моря, а учить обманутых людей,— отвечал Иоанн.

— Вот видите,— обратился Кинопс к народу,— этот Иоанн обманщик! Он только и может, что мутить вам головы своими речами. Хватайте же его и держите, чтоб не убежал! Сейчас вы увидите, как я верну юноше отца его живым.

И те, кто всего час назад слушали Иоанна, схватили его.

Кинопс торжественно поднял руки и ударил в ладоши — и тотчас море взволновалось и забурлило. Все пришли в ужас, а Кинопс сделался невидимым.

— Велик ты, Кинопс! — закричали все.

Внезапно Кинопс вышел из моря, ведя за собою человека.

— Это ли твой отец? — спросил Кинопс юношу.

— Да, господин,— ответил юноша.

Все бросились в ноги Кинопсу, прославляя его могущество. А потом, вскочив, толпа ринулась к Иоанну,

чтобы растерзать его. Но Кинопс остановил народ:

— Погодите! Сейчас вы увидите ещё большее чудо. Тогда уж и мучьте Иоанна.

Он снова выхватил из толпы человека, на этот раз немолодого.

— Был ли у тебя сын? — спросил Кинопс.

— Да, господин,— ответил тот,— был у меня сын, но из зависти убит.

— А убийца где?

— Его казнили, господин.

Кинопс закричал страшным голосом: он вызывал по именам убитого и убийцу. В ту же минуту оба предстали пред ним.

— Это ли твой сын и это ли его убийца? — спросил Кинопс отца.

— Да, господин,— отвечал тот.

Кинопс с торжеством повернулся к апостолу:

— Ну что, удивляешься, Иоанн?

— Нет, я этому не удивляюсь,— тихо и спокойно ответил Иоанн.

— Погоди,— надменно сказал Кинопс,— скоро ты увидишь такое, что удивишься! Прежде чем ты умрёшь, я приведу тебя в ужас и трепет чудесами!

— Все твои чудеса скоро рушатся,— отвечал Иоанн.

Услышав такие слова, разъярённая толпа набросилась на Иоанна. Его били до тех пор, пока не сочли мёртвым.

— Оставьте его без погребения,— сказал Кинопс,— пусть его съедят хищные птицы.

И все ушли с того места вместе с Кинопсом, веселясь и торжествуя, оставив неподвижное тело на земле.

Но святой Иоанн не умер от этих побоев. Вскоре стало известно, что он снова учит народ за чертой города.

Кинопс взял с собой трёх бесов, которых люди считали воскрешёнными мертвецами, и вместе с ними отправился на место, где был Иоанн.

— Я намереваюсь тебя ещё больше осрамить и постыдить! — надменно сказал он Иоанну.— Только для этого я и оставил тебя в живых. Иди на песчаный берег моря. Там ты увидишь мою славу и будешь окончательно посрамлён!

Иоанн нисколько не противился и тут же пошёл вслед за Кинопсом; за ними двигалась толпа народа

(за Кинопсом, с тех пор как он пришёл в город, всё время ходили толпы). Все пришли на морской берег. Кинопс торжественно встал на берегу, воздел руки, хлопнул в ладоши, бросился в море и исчез в волнах. Народ закричал:

— Велик ты, Кинопс, и нет никого большего тебя!

Мы не знаем, какое чудо собирался явить Кинопс и чем он думал «посрамить» апостола. Этого не узнал никто.

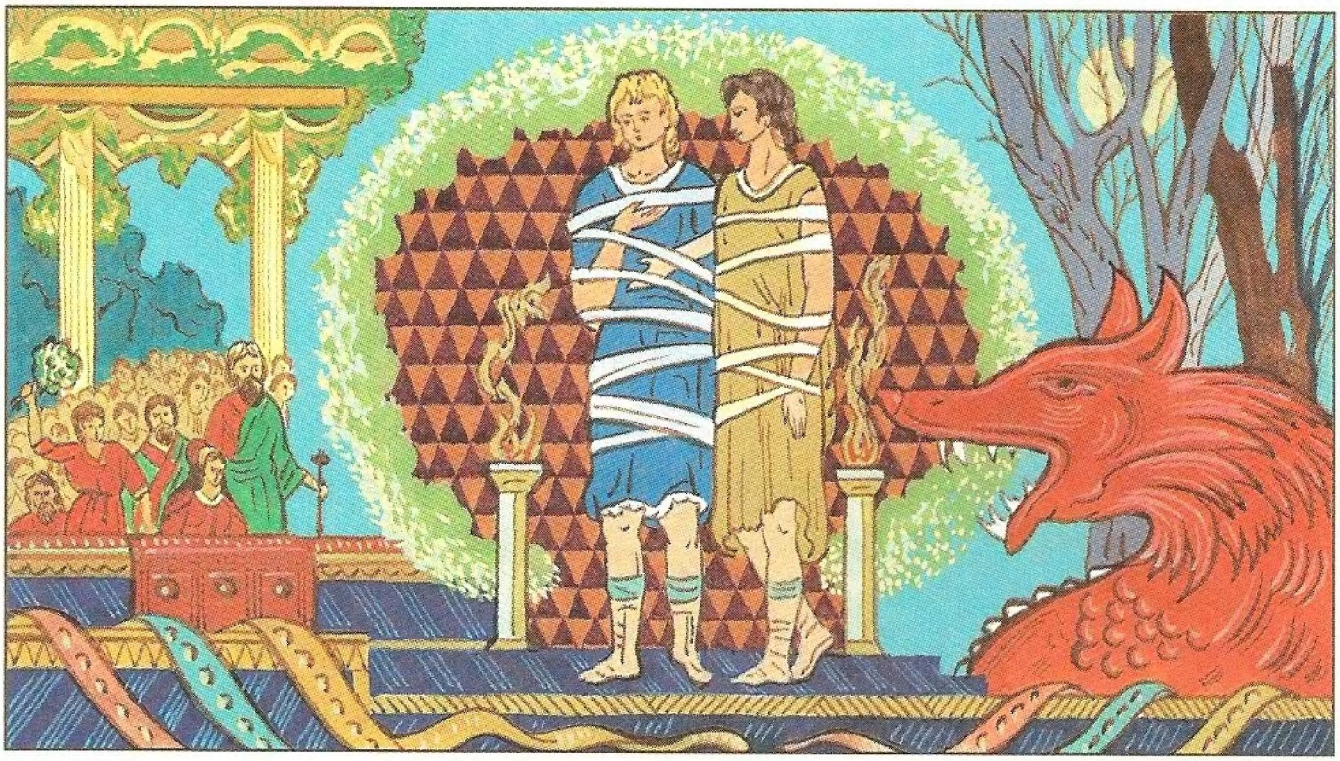
Когда Кинопс скрылся в волнах, Иоанн приказал бесам, стоявшим рядом в подобии человеческом, не отходить от него. И помолился он Богу, чтобы Кинопс погиб. Тихое море внезапно возмутилось, вскипело волнами, и Кинопс не мог уже выйти из воды. Так и остался он на дне морском. А бесам тем, которых все считали за людей, воскресших из мёртвых, Иоанн сказал:

— Во имя Господа Иисуса Христа, распятого и воскресшего в третий день, повелеваю вам: уйдите с этого острова!

И они тотчас исчезли.

А народ ещё три дня и три ночи сидел на песке, дожидаясь Кинопса. Многие изнемогли от жажды, голода и зноя, а отойти никто не решался, боясь пропустить великое чудо. Трое детей даже умерли! Иоанн сжалился над ними, помолился об их спасении, воскресил умерших детей, исцелил больных и долго поучал их вере, так что все уверовали, крестились и разошлись по домам, славя Христа; а Иоанн возвратился в дом Миронов и часто выходил к народу, уча о Христе Иисусе.

«Великий бог Волк»

Много исцелений и чудес совершил Иоанн в том городе — а прожил он там, в доме Мирона, три года. После этого он решил отправиться в другой город, верстах в пятидесяти, жители которого оставались во тьме идолопоклонства.

Когда Иоанн вошёл в этот город, то увидел народ, совершающий праздник, и тут же связанных юношей. Иоанн спросил одного из стоявших:

— Для чего связаны эти юноши?

—У нас есть великий бог Волк,— ответил тот,— и сегодня мы совершаем ему праздник. Ему-то в жертву и будут заколоты эти юноши.

— Покажи мне этого бога! — сказал Иоанн.

— Если хочешь его видеть, то подожди до часа полуде́нни. Тогда жрецы вместе с народом пойдут на то место, где бог является; с ними и ты пойдёшь и увидишь бога-волка.

— Очень хочется мне скорее увидеть вашего бога! — сказал Иоанн.— Я вижу, что ты человек добрый, а я пришёл издалека. Только ты можешь помочь мне! Отведи меня скорее на то место, а я дам тебе за это драгоценную жемчужину.

Очень захотелось тому получить жемчужину, и он согласился. Привёл он Иоанна к болоту и говорит:

— Отсюда выходит наш бог и является народу.

Иоанн стал ждать, а человек, который его привёл, тоже ждал: ведь когда бог-волк выйдет из болота, он надеялся получить условленную плату. После полудня вышел из воды бес в виде огромного волка.

— Именем Иисуса Христа! — воскликнул Иоанн. Бес-волк замер, а Иоанн спросил его: — Сколько лет ты живёшь здесь?

— Семьдесят лет,— отвечало чудовище.

— Повелеваю тебе именем Отца и Сына и Святого Духа: уйди с этого острова и больше не возвращайся сюда! — властно сказал апостол. Бес мгновенно исчез.

Увидев всё это, человек, приведший Иоанна, пришёл в ужас и пал к ногам святого. Здесь же, на берегу страшного болота, Иоанн рассказал ему о Едином Истинном Боге, сотворившем мир, о грехе и истине, о Спасителе нашем, Господе Иисусе Христе, о вере и покаянии. И каждое слово святого запечатлялось в потрясённой душе бедного язычника.

— Вот ты получил от меня жемчужину, которую я обещал тебе,— заключил свой рассказ Иоанн.

В это время на берегу болота показалась процессия жрецов с ножами в руках. Они вели связанных юношей. За ними шёл весь народ в праздничных одеждах. Шествие остановилось: все ждали выхода волка, готовясь заколоть юношей для его насыщения. Долго, долго стояла толпа в ожидании. Наконец Иоанн подошел к ним и сказал:

— Развяжите этих несчастных, они свободны! Нет больше вашего бога-волка! Это был бес, и его победила и прогнала сила Иисуса Христа.

Жрецы пришли в ужас. Они не могли поверить, что их «бог» погиб, и начали искать его — но, конечно же, нигде не нашли. Пришлось развязать юношей. Выступив перед растерянной толпою, Иоанн сказал:

— Вот видите, до какого безумия и обмана доводит незнание Истинного Бога? Вы мерзкого и бессильного пред Богом злого духа считали за бога и отдавали ему в жертву ваших юношей!

И он стал поучать людей истинной вере, рассказывая им о Христе. И многие из них, уверовав, крестились.

Старый знакомый

В том городе, как и во всяком городе Римской империи, была баня, а в ней, как некогда в бане Эфеса, хозяйкой которой была Романа, обитал бес. И вот однажды случилось то же, что и в Эфесе: бес умертвил мывшегося в бане юношу. Отец юноши был жрецом в храме Зевса. С плачем и рыданием прибежал несчастный отец к Иоанну, умоляя воскресить сына: ведь он сам был свидетелем, как Иоанн чудесно спас обречённых на смерть юношей и победил злого беса-волка.

— Если ты воскресишь моего сына, я уверую в того Бога, о Котором ты говоришь нам! — сказал жрец.

Тело юноши ещё оставалось в бане. Иоанн тотчас пошёл туда вслед за отцом.

— Именем Христа, победившего смерть, я повелеваю тебе: встань и будь жив! — воскликнул Иоанн, и юноша воскрес. Тогда Иоанн спросил его, какая была причина его смерти.

— Когда я мылся в бане,— отвечал тот,— кто-то чёрный вышел из воды, схватил меня и удавил.

Закляв живущего в бане беса именем Христовым, святой спросил его:

— Кто ты и зачем живёшь здесь?

— Ох, и здесь ты преследуешь меня! — застонал нечистый дух.— Я тот, которого ты выгнал из бани в Эфесе! А живу я здесь уже шестой год, вредя людям.

— Так навсегда уйди отсюда и не приближайся более к месту, огражденному великим и страшным именем Господа Иисуса Христа!

И бес чёрным вихрем со стонами и воплями пронёсся к морю.

Жрец, который был свидетелем этой сцены, был так поражён, что тут же пал к ногам святого, прося немедленно крестить его самого, и сына, и весь дом его.

В том же городе был особенно чтимый храм Вакха*. Идолопоклонники называли Вакха «отцом свободы». В праздник Вакха все жители города собирались

у храма, устраивали пиршество, а затем разнузданные пляски, в которых предавались «священному безумию». И вот в день празднества Иоанн пришёл на площадь перед храмом и стал обличать беснующуюся толпу. Жрецы — их было двенадцать — набросились на святого, избили и связали его и так бросили, а сами возвратились к своему мерзкому делу.

— Боже Вечный и Праведный,— воззвал Иоанн,— не попусти совершаться беззаконию!

И вдруг стены и колонны храма-капища потряслись и с грохотом обрушились. Всё покрыло облако пыли. А когда пыль развеялась и осела, а с земли, шатаясь, стали подниматься люди, упавшие от сотрясения и ужаса,— оказалось, что живы все, кроме жрецов, которые погибли до единого.

Испуганные люди освободили апостола от уз и умоляли не губить их.

Нукиан

В этом городе тоже был свой знаменитый чародей, по имени Нукиáн. Услышав о разрушении храма и гибели жрецов, Нукиан вознегодовал. Он пришёл к Иоанну и сказал:

— Нехорошо ты сделал, что разрушил храм Вакха и погубил его жрецов! Говорят, ты учишь народ о каком-то Боге Любви, но какая же любовь в том, чтобы разрушать прекрасные храмы и губить людей? Умоляю тебя воскресить погубленных тобою, как воскресил ты сына жреца в бане. Вот тогда-то я поверю в твоего Бога!

— Причиной их гибели было их беззаконие,— отвечал Иоанн.— Они недостойны жизни, пусть мучатся в вечной тьме, которую сами избрали.

— Ну что же, раз ты не можешь воскресить их,— сказал Нукиан,— я сам воскрешу их именем богов моих и восставлю разрушенный тобою храм! А ты не избежишь смерти.

На этом они разошлись. Иоанн пошёл учить народ, а Нукиан отправился на место павшего капища и, обойдя его с заклинаниями, вызвал двенадцать бесов, принявших образ убитых жрецов.

— Идите за мною и убейте Иоанна! — повелел им Нукиан.

— Мы не можем не только убить его, но даже появиться на том месте, где он пребывает! — отвечали бесы.— Само его имя страшно нам, так что умоляем, не произноси больше этого имени! А если ты хочешь (как и мы того хотим), чтобы наш общий враг умер, сделай вот что: приведи сюда народ. Увидев нас, все взъярятся и сами захотят убить его.

Нукиан так и сделал: отправился на место, где святой поучал народ вере, и вскричал, обращаясь к многочисленной толпе:

— О несмысленные! Зачем вы позволяете обманывать себя этому страннику?! Он погубил ваш храм, погубил ваших жрецов, погубит и вас! Идите за мной — и вы увидите жрецов ваших, которых я воскресил. А потом у вас на глазах я восставлю разрушенный храм — Иоанн сам сказал мне, что не может этого сделать.

И все как безумные пошли за ним, оставив Иоанна!

Но апостол вместе с Прохором пошёл другой дорогой — и раньше их был на том месте, где ждали бесы в образе воскресших жрецов. Увидев Иоанна, бесы тотчас исчезли. И вот пришёл с народом Нукиан — а обещанных им жрецов нет! Не найдя их, Нукиан в тоске и скорби стал бродить вокруг развалин храма, всею силой своего колдовства пытаясь вновь вызвать бесов,— но проку не было. Ведь Иоанн незаметно для толпы

оставался поблизости, и бесы не могли вернуться. Наступил вечер, и народ, несколько часов прождавший чуда, в негодовании хотел убить Нукиана.

— Схватим его и поведём к Иоанну,— решили люди.— Что тот скажет, то и сделаем.

Услышав это, Иоанн с Прохором тем же путём вернулись на прежнее место. Вскоре подошёл народ, влача за собой Нукиана.

— Этот обманщик и враг твой задумал погубить тебя, но мы сделаем с ним то, что прикажешь ты!

— Отпустите его,— сказал Иоанн.— Пусть он покается.

И чародея отпустили.

Наутро Иоанн снова учил народ вере во Христа, и многие, уверовав, просили крестить их. Но когда Иоанн привёл их к реке, чтобы крестить, все увидели, что вода в реке превратилась в кровь. Это сделал своими чарами Нукиан, который стоял рядом и с торжеством смотрел на Иоанна.

— О духовный слепец, не желающий увидеть истину! — вздохнул Иоанн.— Ты не прозреешь, пока не будешь наказан. Именем Господа Иисуса Христа да

станут твои телесные очи подобны нынешним душевным!

И Нукиан ослеп. А святой помолился над водою, и она снова стала чистой.

Иоанн крестил всех уверовавших. Ослепший чародей стоял над рекой, сперва ничего не слыша от ужаса и горя. Он почувствовал, что никакие чары и заклинания не могут помочь ему, что он стал самым жалким из людей. Но вот до него стали доноситься звуки: плеск воды, людские голоса и молитвы Иоанна. И, сам не понимая как, он впервые за много лет пришёл в чувство. До сих пор он считал себя всесильным, стоя́щим над всеми людьми, которые не владели волшебным искусством подобно ему. А сейчас он лишился зрения и оказался беспомощнее новорождённого котёнка. Могущественные бесы, так много помогавшие ему, оставили его, он был один, а перед ним была настоящая сила, ещё неведомая ему, и эта сила спасала множество людей.

Эта же сила бросила Нукиана к ногам Иоанна:

— Спаси меня, Божий человек! Прости меня и мою злобу! Помоги мне! Умоли твоего Бога исцелить меня!

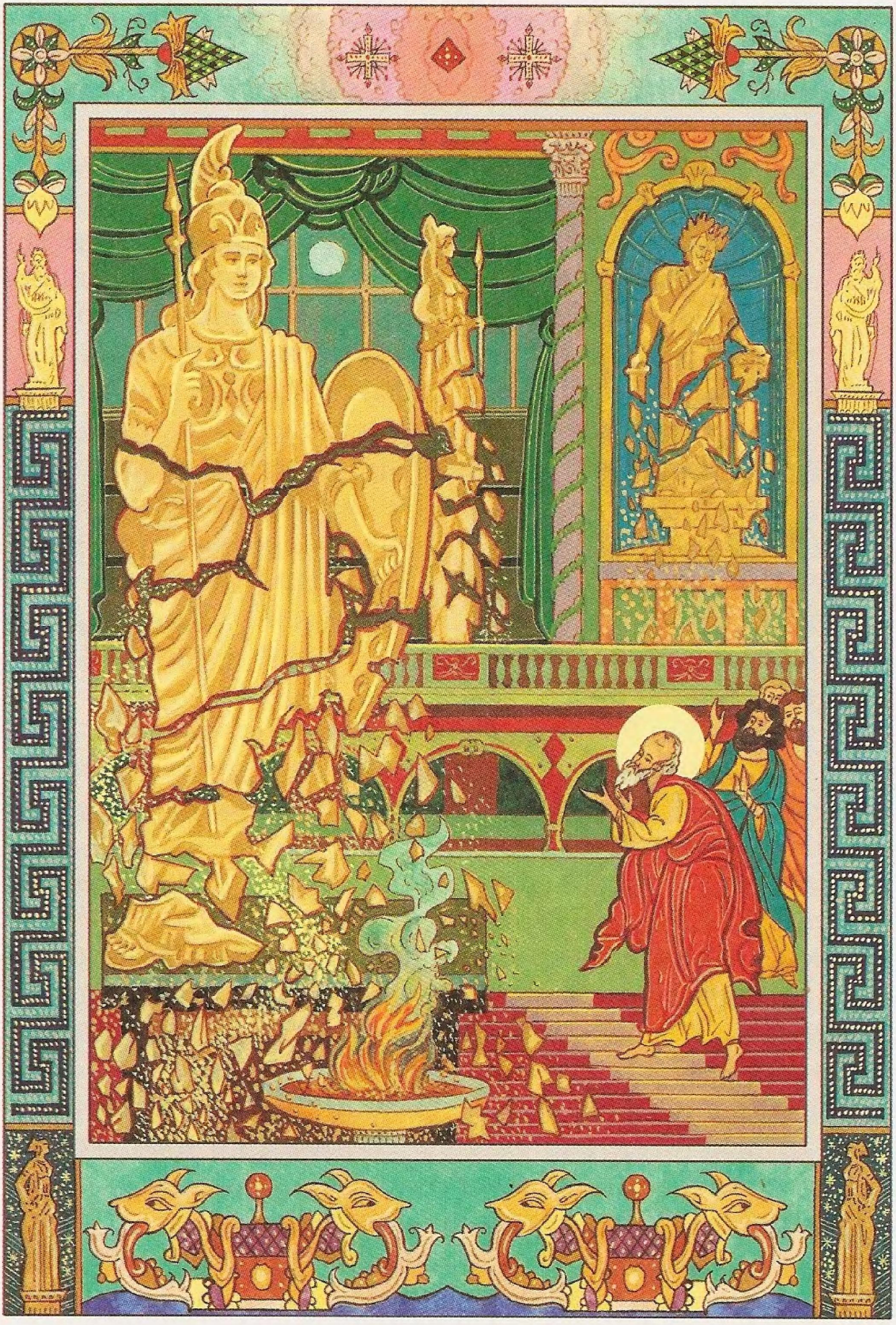
Твёрдо и ласково поднял Иоанн волшебника с земли, отвёл его в сторону от толпы и долго беседовал с ним наедине. А потом он снова подвёл Нукиана к реке и крестил его, потому что бывший чародей покаялся и всем сердцем желал обрести Истинного Бога, посвятить Ему свою жизнь.

Трижды погрузил Иоанн Нукиана в воды реки:

— Крещается раб Божий Нукиан, во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

Аминь! — Глаза Нукиана вновь видели!

Со слезами радости, полный невыразимой благодати и сердечного покоя, какого не знал он за всю свою

жизнь, повёл Нукиан самого дорогого для себя человека, Иоанна, в свой дом, чтобы отблагодарить его. Вот вошли они во внутренний двор, встречаемые слугами. Внезапно из комнат послышался шум, и навстречу хозяину выбежали все прочие рабы и домочадцы. Оказалось, что, едва Иоанн переступил порог Нукианова дома, все идолы, большие и малые, что были в этом доме, рассыпались в прах. И это чудо так потрясло всех домашних, что в тот же день пожелали креститься и они.

Сокровище Патмоса

Так за годы своего пребывания на Патмосе Иоанн едва ли не всех жителей острова обратил ко Христу. Но не только Патмосу, а и всему миру даровал святой великое сокровище, пока был на этом острове. Это сокровище — святое Евангелие, Евангелие от Иоанна. Однажды, заповедовав всем христианам Патмоса поститься, он взял с собой Прохора и ушёл из города на далёкое расстояние. Взойдя на высокую гору, Иоанн пробыл в молитве три дня. После третьего дня загремел великий гром, гора затряслась. Прохор от страха упал на землю. Обернувшись к нему, Иоанн поднял его, посадил по правую руку от себя и сказал:

— Пиши то, что услышишь из уст моих.

И, воздев очи к небу, снова молился, а после молитвы стал говорить:

— В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...

Это были первые слова его Евангелия — благой вести о Христе, Сыне Божием. В Пасхальную ночь именно эти слова звучат во всех православных храмах на разных языках, гремят по всему миру... Так со слов Иоанна было записано рукою Прохора и всё Евангелие.

Сойдя с горы, апостол велел Прохору переписать всё, что он записал, чтобы переписанное оставить христианам Патмоса.

На Патмосе написал святой Иоанн Богослов и другую книгу — Откровение, или Апока́липсис, книгу о последних судьбах мира, о Страшном Суде. Предание рассказывает, что однажды он ушёл с Прохором в пещеру и провёл там с ним вдвоём в молитве десять дней, а потом ещё десять дней один. В последние десять дней он ничего не ел, а только молился Богу, прося Его открыть Свою волю о мире. Наконец он услышал голос свыше:

— Иоанн, Иоанн!

— Что Ты повелишь, Господи? — спросил апостол и получил ответ:

— Потерпи ещё десять дней, и будет тебе откровение многого великого!

И ещё десять дней провёл Иоанн без пищи и питья, в непрестанной пламенной молитве к Богу. Тогда совершилось дивное: Ангелы от Бога сошли к нему и возвестили ему неизречённые, несказанные тайны. И когда Прохор возвратился к пещере, Иоанн послал его за чернилами и свитком и два дня говорил ему о бывших ему откровениях, а Прохор записывал их. Так и возникла эта книга, вошедшая в Библию — Откровение святого апостола Иоанна Богослова. Это самая таинственная и непостижимая книга Библии.

Возвращение в Эфес

Всё, для чего привёл Господь Иоанна на Патмос, было сделано. Пришёл и конец ссылки: император Домициáн, сославший Иоанна и Прохора, был убит. Новый император Нéрва освободил всех, изгнанных и заточённых прежним правителем.

Иоанн решил возвратиться в Эфес. Христиане Патмоса умоляли не покидать их, но он был твёрд. Жителям Патмоса было оставлено Евангелие.

Перед тем, как покинуть остров, святой апостол Иоанн обошёл все города и селения Патмоса, утверждая христианское братство в вере. И провожали его верующие с великим плачем и рыданием:

— Заходит солнце, просветившее учением правды нашу страну!

Зато в Эфесе апостола встречали с ликованием, с радостными криками:

— Благословен грядущий[1] во имя Господне!

История юноши

В Эфесе Иоанн не переставал трудиться, уча народ и наставляя его на путь спасения.

С проповедью Евангелия он обходил и многие другие города Азии, чтобы всем принести свет Христов, устраивал повсюду святые церкви и поставлял епи́скопов* и священников.

В каком-то городе, неподалеку от Эфеса, апостол обратил внимание на одного юношу, увидев в нём пылкую душу, расположенную к добрым делам. Иоанн

[1] Грядущий — идущий, приходящий.

просветил и крестил его. Покидая этот город, чтобы проповедовать Евангелие в других местах, святой Иоанн при всех сказал новопоставленному епископу города:

— Вот этого юношу перед всей Церковью и перед Богом я поручаю тебе. Храни его, как сокровище, заботься о нём, учи его добру.

Чтобы исполнить волю апостола, епископ принял юношу в свой дом и добросовестно учил его Священному Писанию. Ему казалось, что этого достаточно: вот Закон Божий, учить ему — и значит учить добру; какое ещё воспитание нужно? До того ли было епископу, чтобы вникать в то, с кем общается молодой человек, о чём думает, кроме учения, о чём разговаривает со своими сверстниками?

А ведь враг рода человеческого куда усерднее охотится на хороших людей, чем на плохих! Самая желанная добыча для дьявола — именно тот, кто познал Бога, кто горит душой, кто стремится к добру. И будь его, врага, воля, он бы всех людей сделал такими, как

Иуда, который был в числе ближайших учеников Христа и предал Его!

...Да, юноша изучил в епископском доме Священное Писание. Но ему хотелось как можно больше быть с молодыми людьми, такими же, как он, ни в чём не отставая от них и даже во всём опережая их — он ведь был пылкий, талантливый, живой! И ещё ему очень хотелось горячо спорить ночи напролёт, только не с всезнающими «взрослыми», которые смотрят на тебя сверху вниз — с ними и не поспоришь, им уже всё заранее известно! — а с теми, для кого его слова что-то значат и с кем можно говорить на равных. А ещё он чувствовал, что впереди у него огромная жизнь, и эта жизнь должна быть очень богатой, необыкновенной, и что все её радости, недоступные прежде, когда он был ребёнком, он должен познать и испытать!

Свободы у него было предостаточно. Сверстники тянулись к нему, потому что он был яркой личностью, и везде он был первым.

О, на каких замечательных молодёжных пирушках он всё чаще бывал! Там говорили обо всём на свете,

взахлёб,— правда, нередко к утру никто уже и не помнил, о чём шла речь, и часто всё кончалось безобразным пьянством, но и это было потрясающе интересно — это была настоящая взрослая жизнь! И на следующий день, придя в себя, юноши с удовольствием и гордостью рассказывали друг другу о том, до какого беспамятства они напились и что вытворяли пьяными.

А потом был первый ночной грабёж; всё это казалось захватывающей игрой, притом игрой не на жизнь, а на смерть: если бы их поймали, схватили, они дорого поплатились бы! Но всё обошлось, и они были счастливы, и тут же устроили такую пирушку, какой ещё и не бывало!

А наутро он понял, что они сделали. Теперь всё, чему учил его святой Иоанн, а потом епископ и Священное Писание,— всё это было так далеко, так недоступно! Это была другая жизнь, а он был теперь — вор и грабитель.

Уж если быть грабителем, то великим! И юноша стал атаманом разбойников.

Так породистый, мощный конь, закусив удила, вдруг сворачивает с прямой дороги и неудержимо несётся в пропасть.

Так был потерян для Церкви тот, которого, как сокровище, предал апостол Иоанн на сохранение епископу.

...Прошло время. Апостол Иоанн вновь пришёл в тот город. Он призвал епископа и сказал ему:

— Возврати мне сокровище, которое я и Христос вверили тебе на сохранение, чему свидетельницей Церковь, которой ты управляешь.

Епископ перепугался, думая, что кто-нибудь наговорил на него святому, будто он похитил какие-то деньги.

— Какое сокровище? — спросил он.

— Я требую у тебя юношу, которого вручил тебе при всех для того, чтобы ты научил его страху Божию, требую душу брата!

— Юноша умер! — застонав из глубины сердца, отвечал епископ.

— Как умер? Какой смертью? — спросил Иоанн.

— Умер для Бога,— продолжал епископ.— Он законченный негодяй, хуже того — разбойник, хуже того — гроза всей округи. Он уже не в Церкви, а на горé со своей шайкой головорезов.

Услышав это, апостол в горести растерзал одежды свои и с плачем, ударяя себя по голове, воскликал:

— Хорошего же стража оставил я душе брата!.. Так ли подобало тебе хранить душу его? Подайте мне скорее коня и проводника!

И, едва к нему подвели коня, поскакал в горы.

Здесь была застава разбойников. Апостола схватили. Он не пытался убежать, отпроситься на волю.

— Я за тем и пришёл,— вскричал он,— чтобы быть схваченным вами! Ведите меня к своему предводителю. Дело о жизни и смерти!

Вооружённый предводитель стоял, ожидая, когда к нему подведут пленника,— и вдруг узнал апостола! Его охватил такой ужас и стыд, что он бросился бежать прочь. А святой, забыв свою старость, погнался за ним что было мочи с воплем:

— Дитя, зачем бежишь ты от меня, своего отца, старого, дряхлого, безоружного? Пожалей меня, сынок! Не бойся, ещё есть тебе надежда на жизнь! Я отвечу Христу за тебя; если нужно, и смерть за тебя приму, как Господь принял ее за всех нас, и душу мою отдам за душу твою! Остановись! Поверь, Христос послал меня!

Разбойник замер. Весь сжавшись, он стоял как окаменелый, не смея даже повернуть головы... потом обернулся, не поднимая глаз, ничего не видя — и очутился в объятиях старца. Иоанн целовал его лицо и руки, обливая их слезами, и, прижимая к своей груди

трясущегося от рыданий разбойника, говорил слова любви и веры.

Вместе возвратились они в город.

А потом последовали долгие месяцы покаяния — трудов, с которыми вновь рождалась для жизни погибшая было душа. Труды эти несли они оба, плечом к плечу — старец и молодой человек. Как и обещал, Иоанн разделял с кающимся строгость покаяния, сам с ним постился и молился и, отложив все свои прочие дела, не покидал этого города. Не покидал до тех пор, пока не смог наконец, благословив своё духовное чадо*, сказать ему:

— Иди в мир, дитя моё! Своими слезами, раскаянием, трудами и постом ты укрепил свою душу, и теперь ты не дитя, а воистину взрослый мужчина перед Богом. Ты можешь идти к Царствию Небесному, не опираясь постоянно на своего старого и немощного отца. Где бы я ни был, любовь моя пребудет с тобою неотлучно, и уже ничто не должно отлучить тебя от Божией любви.

Недейственный яд

Один христианин впал в жестокую нужду: не только жить ему было не на что, но многим он был должен, и отдать было нечем, а те, кому он был должен, совсем замучили его, требуя вернуть долги. Никакой надежды заработать денег у него не осталось, и он впал в полное отчаяние. Нет греха тяжелее! Ведь и окаянный Иуда, если бы не отчаялся, мог бы ещё покаяться за свой страшный грех и получить прощение от Всеблагого Господа — но вместо того он пошёл и удавился. Вот и тот бедняк, хоть и был он христианином, в отчаянии

Со стоном схватился бедняк за голову, понял, что выхода по-прежнему нет. Вскочил, бросился к двери, отодвинул засов и крикнул прямо в лицо заимодавцу:

— Вот! Иду за деньгами, что я тебе должен! Жди меня, без денег я не вернусь!

А про себя добавил: «Верно ведь: не вернусь уже — ни с деньгами, ни без денег!»

И скорее мимо — к волхву.

— Дай мне яду посильнее,— сказал он иудею, войдя в его дом.— Видишь, тот не подействовал!

Иудей удивился, видя его в живых, и дал ему самого сильного яда.

Медленно, в раздумье пошёл христианин в сторону дома. Конечно же, дома ему нечего было делать: у порога, скорее всего, ожидал его всё тот же заимодавец, а может

быть, и другие с ним. Но и торопить последнее мгновенье он не хотел: он и после первого-то раза не пришёл в себя.

Однако отступать было некуда, и, сколько ни тяни, а кончать было надо.

Он перекрестил чашу и выпил её до дна.

Ничего.

Он был жив. Он был цел, здоров. Яд снова не подействовал!

«Ну и обманщики эти волхвы! — подумал он, придя в себя.— Или уж этот, наш, совсем неискусный? Только голову людям морочит, а сам даже яда составить не может!»

И он повернул обратно. Ворвавшись в дом волхва, он закричал:

— Ты опять обманул меня, лживый иудей! Снова ты дал мне не яд, а неизвестно что. Разве с такими вещами шутят?!

Иудей даже побледнел.

— Ты пил то, что я тебе дал? — в изумлении еле выговорил он.

— Ещё бы! Всё до капли! А толку чуть!

После долгого молчания иудей спросил:

— А что ты делал, когда пил этот яд? Может быть, ты говорил какие-нибудь заклинания? Или кто-нибудь тебя научил что-то съесть или выпить перед тем, как принимать яд?

— Да ничего я не делал, просто выпил и всё!— нетерпеливо ответил бедняк.

— Не может быть,— твёрдо сказал пришедший в себя волхв.— Это самый сильный, совершенно смертельный яд, действующий мгновенно. Смотри, вот я беру ту же бутыль и наливаю из неё всего лишь несколько капель.

Он взял миску, налил в неё похлёбки из горшка и капнул из сосуда, из которого лишь несколько минут назад наливал страшное питьё христианину. Подойдя к порогу, он свистнул собаку и поставил перед ней миску. Собака жадно накинулась на похлёбку — и в ту же минуту издохла.

Теперь побледнел христианин. Мучительное размышление отразилось на его лице. Наконец он воскликнул:

— Нет, я ничего не делал с этой чашей, я только осенил её кре́стным зна́мением!

Иудей помолчал, а потом с трудом выдавил из себя:

— Значит, этот-то знак, это ваше странное действие и победило яд. Другого объяснения нет.

Оба почувствовали себя совершенно обессиленными и опустились на скамью. А потом иудей сказал:

— Веди меня к вашему главному, к начальнику христиан. Я должен всё узнать от него.

Вместе пришли они к Иоанну и рассказали всю историю, ничего не утаив, а Иоанн молча слушал их.

— Объясни же мне, в чём сила вашего страшного знака, почему знак креста побеждает все мои чары и прогоняет смерть? — заключил свою речь иудей.

— Ты ведь знаешь, Чей именно крест, орудие Чьей позорной казни изображает наше кре́стное зна́мение? — спросил его Иоанн.

— Да,— с огромным напряжением отвечал иудей.— Вашего учителя Иисуса, который и сам объявил себя Сыном Божиим, Христом-Спасителем, но учил тому, чего нет в Писании, чему не учил нас отец наш Моисей*. Он смущал своими странными учениями народ Божий, поэтому его и казнили позорной казнью на кресте.

С глубокой любовью и лаской глядя прямо в глаза ему, Иоанн начал свой рассказ[1]:

— Закон дан через Моисея; а благодать и истина произошли через Иисуса Христа, Сына Божия. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши. Он был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. Он в мире был — Тот, через Кого мир на́чал быть,— и мир Его не познал. Он пришёл к своим, к Своему народу — и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, он дал власть быть детьми Божиими. Вот откуда великая власть, которую имеет кре́стное зна́мение — знак нашей веры в величайшую любовь Божию: Господь Иисус Христос умер за нас, а выше этой любви не бывает.

Долго длился рассказ Иоанна. Он рассказывал о том, как воплотился Господь Иисус Христос, как учил он людей и дал им главную заповедь — любить друг

[1] Слова Иоанна взяты из его Евангелия и посланий.

друга той же любовью, которой Он Сам возлюбил людей. О Его чудесах — тех, которые Иоанн видел своими глазами. О Его добровольном страдании и смерти. О Его воскресении, которым Он победил смерть. О том, как являлся Он, Воскресший, Своим ученикам, а потом вознёсся на Небо к Богу Отцу. И о том, как в день Пятидесятницы Дух Святой осенил учеников, научил их всякой премудрости, и так родилась Церковь — и как она распространилась по миру. И о том, кто же такие христиане и какую силу даёт им Бог.

— Я рассказал тебе о том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими глазами, что рассматривали и что осязали руки наши,— завершил свою речь Иоанн.— Мы, ученики Его, видели и свидетельствуем, что Отец

послал Сына Спасителем миру. Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в неё.

— Я хочу тоже быть с Ним и с вами,— тихо и твёрдо сказал иудей, когда Иоанн смолк.— И если, как ты говоришь, в крещении верующий умирает с Христом и воскресает вместе с Ним — я хочу так умереть и воскреснуть для новой жизни с Ним.

Взяв его за руки и взглянув ему в самое сердце, Иоанн ответил:

— Река рядом. Сейчас мы пойдём с тобой и совершим святое крещение. Но здесь ещё одна душа — несчастный христианин, который от страшной нужды и лишений забыл о Боге своём и только великой благодатью Божией избег непоправимого и ужаснейшего греха. Ни ты, ни я не будем христианами, если не поможем ему.

Обернувшись к бедняку, он сказал:

— Принеси со двора охапку сена.

Тот опрометью бросился во двор и принёс сено. Иоанн перекрестил охапку и вознёс к Богу молитву:

— Боже милосердный, Господи Иисусе Христе! Яви силу Креста Твоего на этом сене и во спасение этих рабов Твоих обрати его в злато!

И тотчас куча сена обратилась в кучу золота.

— Этого хватит тебе, чтобы заплатить долги и чтобы больше не впадать в новые, а в достатке содержать свой дом. Иди же и впредь не греши,— сказал Иоанн бедняку и, взяв иудея за руку, повел его к реке — креститься.

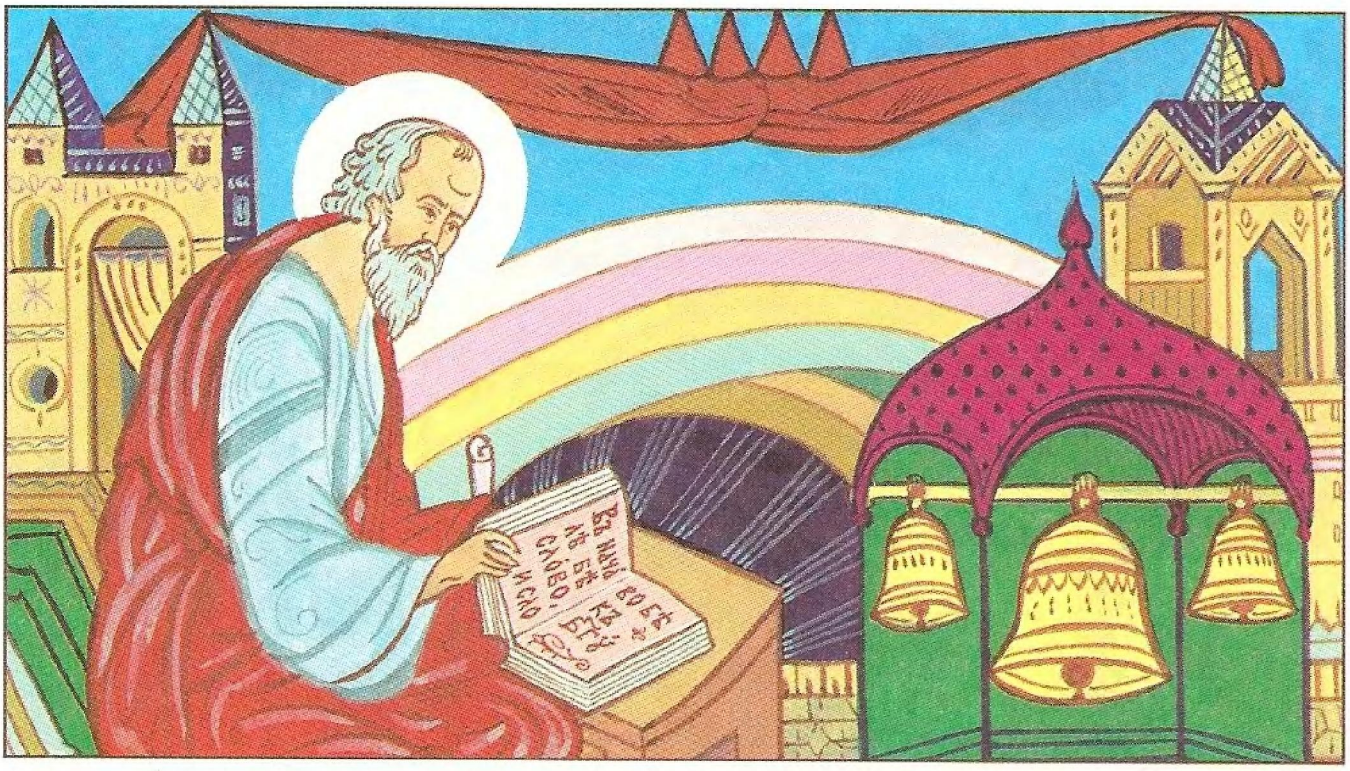

Кончина

Он дожил до глубокой старости. Последние годы он провёл в Эфесе, где жил в доме Домна, некогда воскрешённого им (Диоскор, отец Домна, давно умер). Прохор тоже был с ним.

Он был стар, очень стар. У него уже не было сил обходить окрестности Эфеса, тем более путешествовать в соседние города Азии. К нему приходили епископы, и он поучал их. Он желал, чтобы они непрестанно учили народ слову Евангелия, а более всего первой и главной евангельской заповеди — заповеди любви.

Когда силы совсем оставили его, ученики на руках приносили его в церковь. Он уже не мог долго говорить,

не мог произносить проповедей и поучений, а только всё время говорил:

— Детки, любите друг друга!

Давно уже скончались все апостолы, все, кто видел живого Господа, а он, любимейший ученик Христа, ещё оставался на этой земле. Люди считали за счастье увидеть его, коснуться его руки. А он повторял и всем приходящим:

— Детки, любите друг друга!

— Почему ты повторяешь одно и то же? — осмелились однажды спросить его ученики.

Апостол отвечал:

— Это — главная заповедь. Если вы исполните её, то исполните и весь закон Христов.

Однажды — ему было уже 104 года — он сам вышел из города с семью своими ближайшими учениками. Весь путь он прошёл, даже не опираясь на них. Наконец он остановился и велел им сесть, а сам, отойдя на «верже́ние камня» — расстояние, на которое можно

бросить камень — начал молиться. Потом, вернувшись к ученикам, он повелел им рыть крестообразную могилу.

Плача, ученики исполнили его повеление, а он — в него будто вселилась новая сила, и его прежняя старческая немощь прошла — утешал их и поучал. Потом сказал Прохору:

— Дитя моё, после моей кончины сразу отправляйся в Иерусалим и оставайся там до собственной кончины. Не навек наша разлука.

И ещё поучив плачущих учеников, поцеловав каждого, он сказал:

— Возьмите землю, мать мою, и покройте меня ею.

И спустился в могильную яму.

Ученики не смели ослушаться учителя. Плача, поцеловали они его и покрыли землёй до колен. Он снова поцеловал каждого, и они засыпали его землёю по шею. Он велел прикрыть его лицо покрывалом. Последние мгновения видели ученики самое дорогое им на земле лицо. Но вот и покрывало было накинуто, и, уже сквозь ткань облобызав его голову, они засыпали его землёй.

Со слезами вернулись они в Эфес и рассказали обо всём прочим ученикам... да ведь все христиане Эфеса были учениками его. В городе воцарилась глубокая скорбь: хотя христиане и понимали, что апостол перешёл к лучшей жизни, что любовь его остаётся с ними, но горестно было им, что они не смогли дать ему последнего целования, наглядеться на него перед разлукой. И многие так скорбели, что решили пойти к месту, где похоронен апостол, и раскопать могилу, чтобы проститься с ним.

Так и сделали. Но могила была пуста: только земля и камни.

Так тайной закончилось земное странствие любимого ученика Христова, служителя тайн Божиих.

А на том месте близ Эфеса из года в год стало совершаться малое чудо: 8 мая[1] из гроба апостола стала исходить тончайшая красноватая пыль, «тонкий прах», и многие по молитвам святого апостола получали от этого праха исцеление от тяжких болезней и освобождение от страстей — столь многие, что сам этот день Церковь стала праздновать как второй день памяти апостола.

Отчего именно в этот день, не знает никто: так Бог велел, так из века в век ежегодно случалось.

А кончину святого апостола празднуем мы 26 сентября по церковному календарю (9 октября по нашему мирскому). Почему празднуем? Разве смерть — праздник?

Для святых смерти нет. Когда Господь воскрес, он воскресил с Собою и всё человечество — избавил от власти смерти. Ещё при Своей земной жизни Он говорил — а святой апостол Иоанн Богослов передал нам Его слова: ***Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Моё и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь*** *(Евангелие от Иоанна, глава 5, стих 24).* ***Я живу, и вы будете жить*** — сказал Он Своим ученикам перед самым исходом на страдания и Распятие *(Евангелие от Иоанна, глава 14, стих 19).* Вот почему мы называем кончину святых не смертью, а *преставлением*, переходом — от земли к Небу, от людей к Богу, от временной жизни к вечной, от худшей — к лучшей, той, где царит любовь и правда, потому что там Бог. Не дальше от нас, а ближе

[1] 8 мая по древнему счёту и по церковному календарю, а по-нашему теперешнему «светскому», пришедшему к нам с Запада, празднование этого дня приходится на 21 мая.

к нам становятся святые, когда завершают свою земную жизнь: их любви и молитве ещё меньше мешает пространство и время, чем мешало оно, когда они были на земле (а прижизненные чудеса святых показывают, что уже и на земле они не во всём были подвластны «законам природы», потому что в них уже жил Бог). И если мы любим их и молимся им — они отвечают нам любовью и молят о нас Всемилостивого и Вселюбящего Бога.

Вот поэтому-то мы молимся святым и радуемся о них.

Однако участь любимого ученика Христова и в кончине была особой, отличной от участи других святых. Недаром никто не видел его мёртвым, усопшим. А ведь о нём ещё при жизни его пронеслась весть между христианами, что он не умрёт. Это предание возникло из слов Воскресшего Христа, сказанных об Иоанне апостолу Петру: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока Я приду, что тебе до того? Ты иди за Мною». Сам Иоанн в последней главе своего Евангелия передал нам эти

слова Христа и то, как их поняли ученики, но подчеркнул: «Иисус не сказал ему, что не умрёт, а только сказал: “Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока Я приду, что тебе до того?”»

Так таинственно ушёл он с земли, чтобы быть с возлюбленным своим Господом и Учителем. Так любовь его осталась с нами, и неслышно повторяет он тем, кто помнит о нём и любит его: «Детки, любите друг друга!». А мы молимся ему:

Святый апостоле и евангелисте Иоанне Богослове, моли Бога о нас!

Тропарь, глас 2-й:

Апо́столе Христу́ Бо́гу возлю́бленне!
Ускори́ изба́вити лю́ди безотве́тныя:
прие́млет тя припа́дающа,
И́же па́дша на пе́рси прие́мый,
Его́же моли́, Богосло́ве,
и належа́щую мглу язы́ков разгна́ти,
проси́ нам ми́ра и ве́лия ми́лости.

Объяснение тропаря

Тропарь, глас 2-й:

Апо́столе Христу́ Бо́гу возлю́бленне! / ускори́ изба́вити лю́ди безотве́тныя: / прие́млет тя припа́дающа, / И́же па́дша на пе́рси прие́мый, / Его́же моли́, Богосло́ве, / и належа́щую мглу язы́ков разгна́ти, / проси́ нам ми́ра и ве́лия ми́лости.

Прие́млет тя припа́дающа — принимает твою усердную молитву.

И́же па́дша на пе́рси прие́мый — Тот, кто принял тебя припавшим к Своей груди (об этом написано в 13-й главе Евангелия от Иоанна, 23, и напоминается ниже в нашей книге).

Належа́щую мглу — надвинувшуюся тучу (иногда и в тропаре поётся: **належа́щий о́блак**).

Язы́ков — язычников, иноплеменников.

Тропарём называется краткая песнь, в которой прославляются дела Бога или святых его, главное песнопение в честь праздника или святого.

Гласом называется определённый напев в церковной голосовой музыке. Всего гласов 8; услышав и запомнив, как поётся тропарь святому Иоанну Богослову, легко будет петь и другие тропари того же 2-го гласа — например, святому Иоанну Предтече.

Часто для удобства пения в напечатанном или написанном тексте тропаря или других церковных песнопений расставляются чёрточки-разбивки (как это сделали и мы в своей книге); они делят текст на колена-строки, на мелодические части.

Святой апостол
ИОАНН БОГОСЛОВ
в нашей жизни

Апостол и евангелист Иоанн Богослов (память 26 сентября / 9 октября и 8 / 21 мая), любимый ученик Господа нашего Иисуса Христа, «апостол любви», непрестанно учивший ей своих учеников и всех нас, отзывается на всякую молитву о умножении любви, о добрых отношениях в семье. Хранитель таин Божиих, изображаемый на иконе с перстом, прижатым к устам, он — помощник всех ищущих разумения Божественной премудрости и истинного просвещения сердца светом Христовым. Иоанн Богослов — хранитель чистоты и целомудрия. Он также — покровитель иконописания (почему, можно узнать из приведенного ниже «Чуда о Гусаре́ и иконе»). Бывшему рыбаку, ему молятся также об удачной ловле рыбы и вообще о рыболовстве.

Из Первого соборного послания апостола Иоанна Богослова

В Библию, в Новый Завет, среди посланий (писем) святых апостолов включены три послания святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Эти послания названы ***соборными****: он писал их всей Церкви, а не христианам какой-либо определённой области, для чтения в собраниях верующих. Обращены они и к нам с вами. В них — самое заветное, что хотел сказать апостол от себя каждому христианину. Часто повторяются в них те слова, которые он беспрестанно повторял в последние годы жизни: «Детки, любите друг друга!» (именно «детки» — в славянском переводе «чадца», ласково и нежно).*

О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами; а наше общение — с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом. И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна.

И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нём никакой тьмы. Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжём и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха.

Если говорим, что не имеем греха,— обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды.

(Глава 1, 1, 3–4, 5–9)

Тьма проходит, и истинный свет уже светит.

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот ещё во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нём соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идёт, потому что тьма ослепила ему глаза.

(Глава 2, 8–11)

Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его.

Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас. Мы знаем, что перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти. Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нём пребывающей.

Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою; и мы должны полагать души свои за братьев.

А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце своё,— как пребывает в том любовь Божия?

Дети мои! Станем любить не словом и языком, но делом и истиною.

(Глава 3, 1, 13–18)

Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рождён от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына

Своего в умилостивление за грехи наши. Возлюбленные! Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга.

Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна в нас. Что мы пребываем в Нём и Он в нас, узнаём из того, что Он дал нам от Духа Своего.

И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру. Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в неё. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём.

Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви.

Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.

Что мы любим детей Божиих, узна́ем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его. Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его не тяжки.

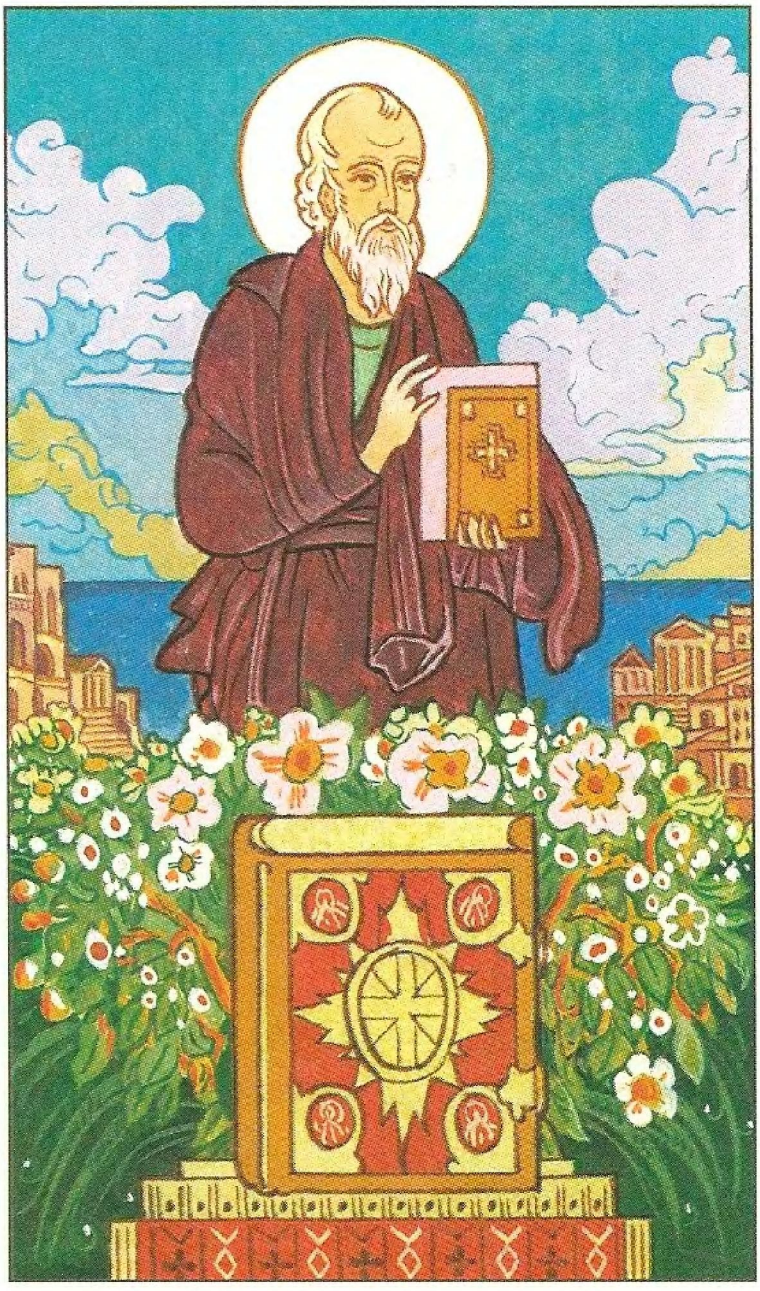
Ибо всякий, рождённый от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир,— вера наша.

(Глава 4, 7 — глава 5, 4)

Вспомним Евангелие

Все четыре евангелиста часто упоминают Иоанна среди Христовых учеников. Иоанн был свидетелем важнейших событий жизни Господа Иисуса Христа. Попытаемся собрать воедино то, что рассказывают нам об Иоанне Богослове Евангелия и что прибавляет об этом Священное предание Церкви.

Если вы захотите обратиться к самому Евангелию, найти упоминаемые места вам помогут указания в скобках: они указывают на одно из четырёх Евангелий (на которое, легко догадаться самостоятельно), а цифры означают главу и стих (или стихи); эти цифры проставлены во всех изданиях Евангелия и Библии и очень помогают находить нужное место.*

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов был внуком Иосифа Обручника — сыном Зеведе́я и дочери Иосифа Саломи́и.

Конечно же, Господь Иисус Христос знал его с самого его рождения,— как и его старшего брата, Иакова Зеведéева. Этих мальчиков прозвали «Сынами громовыми» (по-еврейски это прозвище звучит: «Воанергес») — наверное, за то, что они были очень шумными и даже озорными ребятишками.

Бывает так, что обычное прозвище отражает что-то очень важное в характере человека. Чистый, добрый, незлобивый и доверчивый Иоанн был очень горяч душою, он любил Бога не вполсилы, не «иногда», а всем своим пламенным сердцем. Это свойство, это чувство называется ревностью по Боге, и оно тоже бывает как гром: тихий и кроткий человек, когда коснется дело святыни, славы Божией,— весь преисполняется огня, не боится ничего и никого и готов всю душу положить за Бога — и появляется в нём сила, подобная грозе. Вот за это-то и любил Господь Иоанна больше всех Своих учеников, а когда призвал его на проповедь, подтвердил это его имя: «Сын громов». Прошли годы, и Иоанново прозвище обрело другой, глубокий смысл: его богословие прозвучало во всём мире и наполнило всю землю, как наполняют её раскаты грома.

Но было это уже много лет спустя после того, как Господь призвал юного Иоанна от рыбацких сетей на проповедь Евангелия...

Зеведей с женой Саломией и детьми жили в селении Вифсаи́да на берегу Галиле́йского моря*. С детства братья помогали отцу в рыболовстве и торговле. В Вифсаиде жили и другие два брата, которые впоследствии

тоже стали ближайшими учениками Господа Иисуса Христа — Пётр и Андрей; они были старшими друзьями сыновей Зеведеевых. Когда вышел на проповедь святой Иоанн Креститель, все они охотно сделались его учениками, хотя ещё не оставляли ни своего дома, ни обычных занятий.

Иоанн Креститель говорил приходящим к нему:

— Я крещу вас водою, но идёт Сильнейший меня, у Которого я недостоин развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнём. *(Мф. 3, 11; Мк. 1, 7–8; Лк. 3, 16–17; Ин. 1, 26–27)*

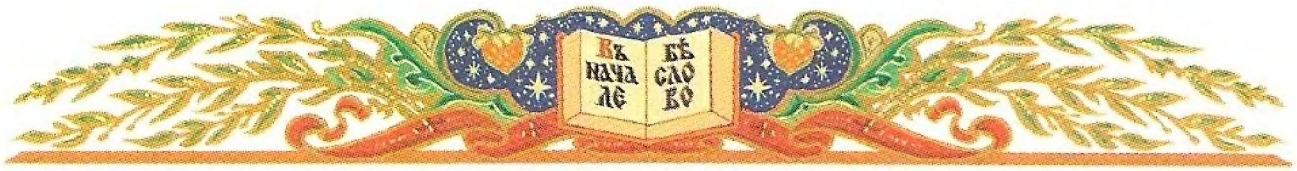
На другой день, увидев идущего к нему Иисуса, Иоанн сказал:

— Вот А́гнец* Божий, Который берет на Себя грех мира. О Нём я и сказал: «За мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня».

Рядом с ним стояли Андрей и Иоанн. Услышав эти слова, они тотчас пошли за Иисусом и пробыли в Его доме весь тот день. Иоанн Богослов на всю жизнь запомнил обстоятельства того дня и в своём Евангелии даже отметил, что «было около десятого часа». *(Ин. 1, 29–39)*

Но в эту пору Господь Иисус Христос ещё не начал своего общественного служения, а Иаков с Иоанном оставались учениками Иоанна Крестителя.

Три дня спустя Иоанн стал свидетелем первого чуда, совершённого Иисусом: превращения воды в вино на браке в Ка́не Галилейской *(Ин. 2, 1–11)*. «Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его»,— пишет в своём Евангелии Иоанн. Уверовали — и стали

учениками обоих: и великого пророка, Иоанна Крестителя, и Господа Иисуса Христа.

Но недолго оставалось им быть учениками Иоанна Крестителя: вскоре тот был взят под стражу и заключён в темницу — за то, что он обличал грехи царя. А Господь Иисус Христос стал проповедовать по берегам Галилейского моря, говоря:

— Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. *(Мф. 4, 17)*

Однажды, проходя по берегу, Он увидел братьев Андрея и Петра, закидывавших сети в море.

— Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков,— сказал Он, и братья, оставив сети, тотчас последовали за Ним.

Пройдя ещё немного, увидел Он и сыновей Зеведеевых, Иакова и Иоанна, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним. *(Мф. 4, 18–22; Мк. 1, 16–20)*

С этой минуты Иоанн всюду следовал за Господом и Учителем и стал Его любимым учеником, свидетелем многих Его чудес и главнейших событий Его земной жизни.

Юный Иоанн — в числе трёх особенно приближённых Господу учеников. Только их — Петра, Иакова и Иоанна — брал с Собой Иисус Христос, когда воскрешал дочь Иаи́ра *(Мф. 9, 18–26; Мк. 5, 22–43; Лк. 8, 40–56)*, когда преображался на горе Фаво́р *(Мф. 17, 1–9; Мк. 9, 2–9; Лк. 9, 28–36)*, когда молился в Гефсима́нском саду *(Мф. 26, 36–46; Мк. 14, 32–42; Лк. 22, 40–46)*.

Замечательно, что сам Иоанн, написавший своё Евангелие позже других апостолов, ничего не рассказывает в нём об этих событиях: о них уже написано. Но о Тайной Вéчере он рассказывает намного подробнее других евангелистов, и только он поведал о том, как Христос умыл ноги ученикам, и передал нам сокровеннейшую беседу Христа с учениками, происходившую тогда *(Ин. 13, 1–20; Ин. 14–17)*.

В рассказе о Тайной Вечере Иоанн впервые ясно упоминает о себе самом — о любимом ученике, возлежавшем у груди Иисуса[1]:

«Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал:

— Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Пётр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему:

— Господи! Кто это?

Иисус отвечал:

— Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба[2], подам.

И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту.

И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему:

— Что делаешь, делай скорее.

---

[1] По обычаю, пошедшему от греков и распространившемуся по всей Римской империи, за трапезой возлежали на специальных ложах, стоявших по трём сторонам стола.

[2] Солили тогда пищу не сухой солью, как мы, а обмакивали в особый пряный рассол.

Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А так как у Иуды был ящик[1], то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим.

Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь». *(Ин. 13, 21–30)*

И, наконец, Иоанн единственный из всех учеников оставался у Креста Господня, вместе с женщинами, когда все прочие разбежались:

«При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина.

Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей:

— Же́но! Се, сын Твой.

Потом говорит ученику:

— Се, Матерь твоя!

И с этого времени ученик сей взял Её к себе». *(Ин. 19)*

О Воскресении Христовом он узнал почти тогда же, когда и женщины-мироносицы:

«В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба. Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: “Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его”. Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра и пришёл ко гробу первый. И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошёл во гроб. Вслед за ним приходит

[1] Для сбора денежных пожертвований.

Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. Тогда вошёл и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал». *(Ин. 20, 1–8)*

Таинственны события последней главы Евангелия Иоанна. Всю ночь ловили рыбу на Галилейском озере Пётр, сыновья Зеведеевы и еще четверо учеников Христовых — и не поймали ничего.

«А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус.

Иисус говорит им:

— Дети! есть ли у вас какая пища?

Они отвечали Ему:

— Нет.

Он же сказал им:

— Закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете.

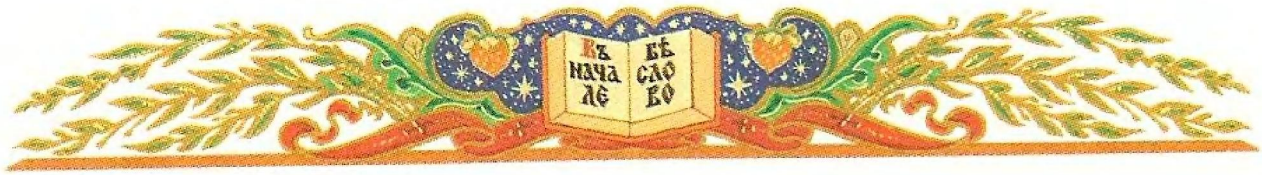
Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру:

— Это Господь.

Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою,— ибо он был наг,— и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке,— ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот,— таща сеть с рыбою. Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им:

— Принесите рыбы, которую вы теперь поймали.

Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят

три; и при таком множестве не прорвалась сеть. Иисус говорит им:

— Придите, обедайте.

Из учеников же никто не смел спросить Его: «Кто Ты?», зная, что это Господь. Иисус приходит, берёт хлеб и даёт им, также и рыбу.

Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своём из мёртвых».

А потом, после краткой беседы с Петром у костра, Господь сказал ему:

— Иди за Мною.

Но Пётр, обернувшись на Иоанна, спросил Иисуса:

— Господи! А он что?

— Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною,— отвечал ему воскресший Господь.

«И пронеслось это слово между братиями, что ученик тот не умрёт. Но Иисус не сказал ему, что не умрёт, но: “Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?”» — пишет Иоанн и заканчивает своё Евангелие свидетельством, как золотую печать ставит:

«Сей ученик и свидетельствует об этом, и написал это; и знаем, что истинно свидетельство его. Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь[1]».

[1] «Истинно так!»

Чудо о Гусаре́ и иконе

Эта повесть изложена в очень древней книге под названием «Про́лог», которая была излюбленным чтением христиан на протяжении многих веков.

В маленьком городке неподалёку от Константинополя жил мальчик-сирота, который тем только и поддерживал свою жизнь, что нанимался пасти гусей. Так его все и называли: Гуса́рь, гусопас,— а имени его никто и не помнил.

На вратах городка были икона святого апостола Иоанна Богослова (вспомним, что город — это и есть *огороженное* пространство, и все древние города, даже маленькие, имели городскую стену и ворота). Мальчик ежедневно выгонял своих гусей за городскую стену и пас их неподалёку от городских ворот; при этом он больше всего любил смотреть на прекрасный образ святого и даже пытался перерисовать его пальцем или

палочкой на песке. Так мил ему был образ святого, что он стал молиться:

— Господи, дай мне научиться переписать этот образ! Я всей душой желаю этого!

Но у него ничего не получалось. Снова и снова заглаживал он свой рисунок на песке и начинал чертить опять — и так целых три года!

Однажды подошёл к нему величественный седой старец и спросил:

— Что ты делаешь, Гуса́рь? Что рисуешь на песке?

Мальчик оробел, но ответил:

— Посмотри на городские ворота, господин! Видишь образ святого Иоанна Богослова? Я уже третий год пытаюсь на песке изобразить его.

Святой Иоанн Богослов (а это был именно он) спросил:

— Так ты хочешь научиться иконописанию?

— О да, господин,— отвечал мальчик,— я хочу этого больше всего на свете!

Достав тростниковое перо и чернила, старец написал такое послание:

«Я, Иоанн Богослов, возлежавший на груди Господа и пивший Его чашу на Тайной ве́чери, к тебе, о Хинарь, посылаю это дитя-гусопаса. Научи его иконописанию, так чтобы он писал иконы лучше, чем ты сам».

Он запечатал письмо перстнем и дал мальчику, сказав:

— Иди в Константинополь. Там есть царский живописец по имени Хинарь; он расписывает златые царские палаты, а к заутрене всегда ездит в храм святой Софии. Дождись его там и передай ему это письмо. Скажи: «Мне дал его Иоанн Богослов». Он возьмёт тебя к себе.

Сказав это, он исчез.

Бросив своих гусей, мальчик побежал в столицу. Было ещё утро; заутреня в храме святой Софии кончалась. Из храма стали выходить люди. Мальчику показали

колесницу царского иконописца, и он бросился к тому с письмом. Иконописец, взяв письмо, стал читать его, а мальчик бежал рядом с колесницей.

Прочитав письмо, Хинарь в изумлении взглянул на мальчика.

— Откуда у тебя это? — спросил он.

Мальчик, волнуясь, рассказал ему всё, что приключилось с ним на пастбище.

Иконописец понял, что письмо подлинное (к тому же он видел, что маленький оборванец и читать-то не умеет), что произошло чудо, и боялся ослушаться повеления. Пришлось взять мальчика к себе в учение. Нет! — к себе, но не в учение; учить сироту он не хотел: чёрная зависть объяла его сердце, и он твёрдо решил не передавать секретов своего искусства. Он поручил мальчику все многочисленные подсобные работы в мастерской, научил подготавливать доски к иконописи, растирать краски. Все эти работы, необходимые для иконописи, мальчик усердно исполнял, но к кистям его не подпускали.

В то время на средства одного вельможи была построена каменная церковь, и иконописцу Хинарю был дан заказ написать для неё икону святого апостола Иоанна Богослова. Иконописец пошел осмотреть храм, для которого была заказана икона, а в своё отсутствие приказал мальчику растирать краски. По Божию промыслу иконописец задержался до обеда.

Мальчик готовил иконную доску к письму, когда в мастерскую вошёл Иоанн Богослов и спросил:

— Что ты делаешь, Гуса́рь?

— Тру краски для моего мастера: он будет писать икону Иоанна Богослова,— отвечал мальчик.

Иоанн сказал:

— Вставай и сам пиши эту икону.

В трепете мальчик отвечал:

— Господин, я никогда не брал кисти в руки и не учился писать.

— Смотри на меня и пиши,— повелел Иоанн.

Но мальчик не знал, как и взяться за дело. Тогда Иоанн вложил в его руку трость[1] и так, рукою мальчика, начертал на подготовленной доске свой образ, а затем, также рукою мальчика, стал слой за слоем покрывать его красками.

Когда икона была написана, Иоанн вышел. «И просветися палата от иконы, аки от солнца» — рассказывает древний повествователь.

А Гусарь заплакал, в ужасе думая о том, какое наказание ожидает его от иконописца за своеволие.

Иконописец, придя, был поражён: икона была совершеннее всего, что мог он написать.

Мгновенно слух о чудесной иконе донёсся до царских палат. Царю сказали:

---

[1] То есть тростниковое перо, которым рисовали.

— У твоего иконописца есть ученик; он только третьего дня поступил в учение, а вчера уже написал икону Иоанна Богослова, да такую, что вся палата просвещается от неё, как от солнца — и вообразить невозможно!

Тотчас царь повелел принести икону; и принесли икону в царские палаты, и объял царя страх от сияния иконы.

Придворные судили да рядили о происшедшем. Одни говорили:

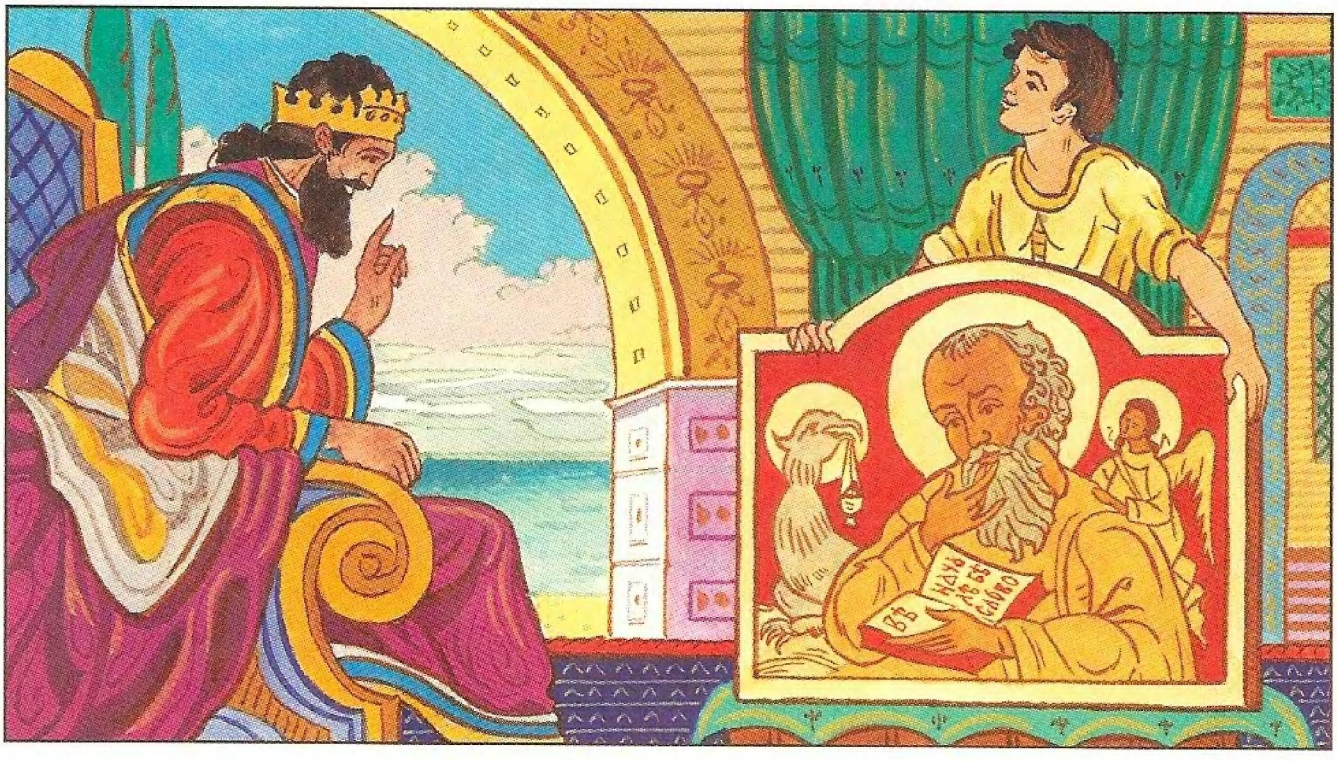
— Ученик превзошёл мастера!

— Нет, мастер искуснее,— возражали другие.

Слыша эти споры, царь сказал:

— Я справедливо рассужу, кто искуснее. Пусть каждый из них напишет по орлу на стене моих палат. А я возьму ястреба и пущу: на которого орла бросится ястреб, обманутый искусством художника, тот и окажется лучшим.

— Правильно ты рассудил, о царь! — согласились придворные.

И вот мастер и ученик написали по орлу на стенах царёвых палат, а все пришли полюбоваться на их работу. Увидев изображение, созданное царским иконописцем, вельможи воскликнули:

— Нет на всём свете подобного ему!

Но когда подошли к творению ученика, то и вовсе лишились слов — так оно было прекрасно.

А царь, как и задумал, пустил ястреба. Птица мгновенно устремилась к орлу, написанному учеником, и пыталась вступить в бой с изображением.

Ученик победил.

Царь сделал Гусаря своим придворным иконописцем и взял его во дворец. А те две птицы,— рассказывает древний повествователь,— «до ныняшнего дне в царских тех палатах, идеже и написаны».

Чудесно написанную икону отнесли из царского дворца в ту церковь, для которой она была написана. Церковь была освящена во имя святого Иоанна Богослова, с великим торжеством и радостью о Господе нашем Иисусе Христе, Которому слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Иоанн Богослов в России

Юность апостола прошла в Палестине, последние десятилетия его земной жизни — в Малой Азии. Но земным веком не заканчивается жизнь святых, об этом свидетельствуют их чудеса. Их любовь с нами, с живущими.

На Руси чтили апостола любви, любимого ученика Христова. И сам он своими чудесами посещал нашу землю уже в первые века после её крещения.

Есть в России место, избранное самим апостолом сотни лет назад. Поразительно, но предание твёрдо связывает эту историю именно с чудесной иконой Иоанна Богослова, написанной мальчиком Гусарём. Только вот начало этой истории почти затерялось в веках...

В XII или в XIII веке, когда в Рязанскую землю только проник свет христианства, из Греческой земли — Византии — к рязанскому князю были посланы священники и монахи, чтобы утвердить его и его подданных в православной вере. С ними была и охраняла их в пути и великая святыня: икона апостола Иоанна Богослова, та самая, о которой рассказано только что. Можно считать, что сам апостол Иоанн Богослов и привёл посланцев Константинопольского патриарха в нашу русскую, Рязанскую землю.

А потрудившись над утверждением веры в Рязанском крае и видя плоды своих трудов, греки эти облюбовали себе место недалеко от Рязани, километрах в тридцати, и выспросили у князя позволение устроить себе монастырь. И, конечно же, обитель посвятили апостолу Иоанну Богослову.

Зимой 1237 года в Рязанскую землю вступил со своими войсками страшный завоеватель — хан Батый. Путь войска должен был пролегать через Иоанно-Богословскую обитель. Но случилось чудо: сам Иоанн

Богослов явился хану и запретил трогать свою обитель. Батый прислал в монастырь своих слуг, которые приложили к чудотворному образу золотую ханскую печать, и даже наградил обитель из своих сокровищ — это при том, что он безжалостно сжёг дотла Рязань! Об этом чуде повествуют и некоторые письменные свидетельства, и стойкое предание среди местных жителей.

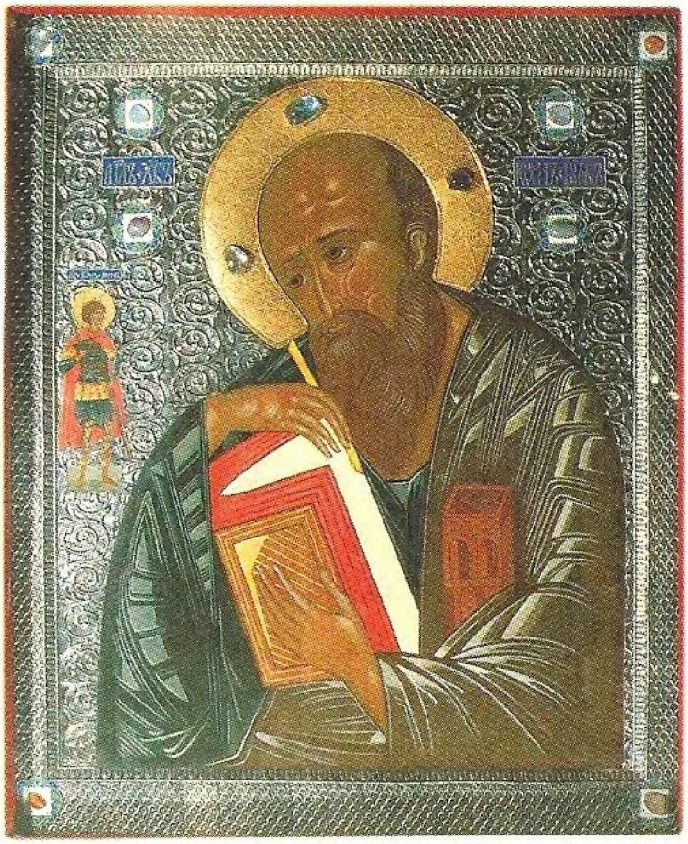
Эта златая печать так и оставалась на иконе до 1653 года, когда — нам трудновато это понять — «та печать снята на позлащение большия водосвятныя чаши».

Жизнь христианина и жизнь Православной Церкви не безоблачна, не безмятежна. Мы помним, каких скорбей и трудов была полна жизнь самого апостола. И обитель его, хотя, верим, всегда духом пребывал с нею святой апостол и хранил её — не оставалась в стороне от бед России. Батый пощадил её, но потом были на неё и набеги кочевых племен (последний — в XVII веке),

Иоанно-Богословский монастырь под Рязанью

и нападения разбойников. А потом, в XX веке, пришла общая страшная беда для всех монастырей и храмов России: закрытие, поругание, полное разорение обители. С высокой колокольни сбрасывали колокола, несколько дней горел костер из икон и монастырских книг и рукописей... И теперь мы не знаем, где чудотворный образ. Чудесно написанный, он мог и чудесно (пусть человеческими руками) спастись.

На чудотворной иконе святой изображен с принадлежностью иконописца и книгописца — пеналом-чернильницей. Это узкий ящичек, который мог уместиться в кармане рясы или мантии. На одном конце такого пенала перегородкой отделялось место для чернил. В нем лежал кусок губки, который пропитывался чернилами, затем они высыхали, и пенал можно было всегда носить при себе. Для письма губка увлажнялась, и чернила оживали.

Вот как написано о нём в старых книгах:

«Сей чудотворный образ св. Иоанна Богослова сам собою доказывает, что он чуден, что ему присуща особая благодать Божия, которая в самом начале появления его на свет так очевидно обнаружилась необыкновенным сиянием от лика в царских палатах. Без сомнения, от особенной благодати Божией зависит и то, что лик возлюбленного ученика Христова столько веков сохраняется без всякой поправки, нисколько не повреждённым. В обыкновенном порядке существования икон этого не могло бы быть, как всякому известно. А что он действительно никогда не был исправляем, это утверждают и художники. Они говорят, что чудотворный образ святого

апостола Иоанна Богослова, находящийся в Богословской обители, ни в какой человеческой кисти никогда не имел нужды и не был возобновлён, от начала первого своего чудесного написания и до наших времён остался в первобытном своем виде, данном ему первоначальным художником — Богословом. Беспристрастные живописцы прибавляют, что не просто необычайно трудно, но даже и невозможно так составить краски и действовать рукою по изображённым чертам на его лике».

В конце 1988 года, в год тысячелетия крещения Руси, монастырь был возвращён Церкви. Из руин поднимали его монахи, а теперь там и настоящий монашеский уклад жизни, и изумительный порядок и благолепие. И хотя на месте древней чудотворной иконы сейчас чтимый список с неё, а сама она пока таится от людей и не найдена (а мы знаем, что много раз в истории Церкви великие святыни, казалось бы, безвозвратно утраченные, внезапно возвращались к людям!), благословение святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова явно и зримо пребывает на месте сем. И, если вы полюбите Апостола Любви, непременно побывайте здесь. Не всякому удастся побывать в Иерусалиме или в Эфесе, или на Патмосе — в главных местах земной жизни любимого ученика Христова,— но под Рязань выбраться можно. И апостол Христов не оставит вас без награды: вы увидите одно из самых прекрасных мест России, получите заряд радости, силы, благодати и любви и великое чувство *святыни*. Бог вам в помощь!

Словарь непонятных слов и выражений

Агнец — ягнёнок (по-церковнославянски). Для евреев со времени исхода из египетского рабства пасхальный агнец был символом чистой, непорочной и безгрешной жертвы за людей. О происхождении и значении этого символа рассказывает библейская книга Исход и можно прочитать в любой книге Закона Божия.

Азией в древнем мире называлась не вся та часть света, которая называется так сейчас, а то, что и поныне называется Малой Азией — большой полуостров, на котором расположена нынешняя Турция.

Аполло́н — бог солнца в Древней Греции, покровитель искусств, просвещения.

Апо́столы — ученики Христа, которых Он избрал для проповеди Своего учения.

Вакх (Дионис) — бог плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства и виноделия у древних греков (у римлян — Ба́хус). В шествиях в честь Вакха (вакхана́лиях) участвовали женщины в венках из плюща, в шкурах диких животных, с жезлами, обвитыми плющом — они назывались вакха́нками, или мена́дами. В «священном безумии», с шумом и воплями, славящими Вакха, вакханки сокрушали всё на своем пути, увлекая за собой толпы людей, растерзывали встреченных на пути диких зверей, а порой и людей (растерзаны вакханками были и герои некоторых греческих мифов — в том числе величайший музыкант и поэт Орфей). Среди прозвищ Вакха — Бро́мий (Шумный) и Лиэ́й (Освободитель): он расковывал людей, освобождал их от житейских забот. В современнном языке слово «вакханалия» означает крайнюю степень беспорядка, неистового разгула.

Волхвы — волшебники, чародеи, колдуны, маги. Называли так и вообще мудрецов, обладавших знанием

тайных сил природы (ты ведь знаешь о евангельских волхвах, которые принесли дары Родившемуся Христу). Может быть, помнишь ты и волхвов в «Песни о вещем Олеге» Пушкина. Но чаще всего тайное знание волхвов, их могущество исходило от невидимых сил зла. Словом «волхв» называют теперь только колдунов прошлого, родственным словом «волшебник» — только сказочных. Колдунов и магов и сейчас вокруг нас сколько угодно (и в газетах объявления дают!), но их уже никто не называет волхвами.

Галиле́йское море — озеро в Палестине, через которое протекает река Иордан. Оно очень обильно рыбой (снабжало ею всю огромную Римскую империю), в ветреную погоду бурно (такие бури описаны в Евангелии). Галилейским оно называется потому, что находится в центре области Галиле́и; есть у него и другое название — Тивериа́дское (по городу Тивериа́да, стоявшему на его берегу).

Геркуле́с — римское наименование главного из героев-полубогов Древней Греции, Гера́кла, которого в позднюю эпоху почитали как бога.

Епи́скоп — высший священнический сан: тот, кто руководит местной (поместной) Церковью, посвящает (рукополагает) священников, следит за чистотой православной веры (само греческое слово «епископ» означает «надзирающий»).

Же́ртвы, жертвоприношения (иногда кровавые, а порой просто благовония, или лепешка хлеба, или кисть винограда) — приношения божествам или духам, невидимым высшим (или низшим) силам.

Жрец — служитель языческого божества, совершающий *жертвоприношения*.

Зевс — верховное божество древнегреческой религии. У римлян — *Юпитер*.

И́дол — скульптурное изображение лжебога, которому воздаются божеские почести.

Идолопокло́нство — поклонение ложным богам и их изображениям.

Ка́пище — языческий храм: место, где вместо Истинного Бога люди поклоняются бездушным *идолам*, приносят им *жертвы*.

Кре́стное зна́мение — знак креста. Зна́мение — символ, образ, но также и воинское знамя, и чудо (вспомним частое в Священном Писании выражение «чудеса и зна́мения»).

Мифы — основа *язычества*, древние вымыслы о происхождении и устройстве мира, о богах и полубогах-героях.

Моисе́й — величайший из *пророков*, который вывел еврейский народ из египетского рабства, получил от Господа на горе Синай 10 заповедей и подробное научение в законе Божием и в том, как устроить первый храм Богу, написал по вдохновению Божию первые пять книг Библии (Пятикнижие), содержащие и историю мира от сотворения до времени жизни Моисея, и вечный Закон Божий, и законы жизни для еврейского народа.

Одр — ложе (по-церковнославянски).

Предте́ча означает «тот, кто бежит впереди»

Проро́к — тот, кто познаёт и открывает (прорекает, изрекает) людям волю Божию.

Старе́йшина, или, по-гречески, епа́рх — начальник города или округи.

Стих — самый мелкий раздел в тексте Библии (Ветхого и Нового Завета). Книги Библии разделены на главы (кроме тех, в которых всего одна глава), а главы (и стихотворных книг Библии — есть и такие,— и прозаических) — на стихи, то есть короткие отрезочки, примерно с одно предложение. Книги Библии разбили

на главы и стихи значительно спустя после того времени, когда они были написаны, для удобства пользования, и нужное место в Библии мы ищем не по странице (страницы ведь в разных изданиях книги разные), а по главам и стихам.

Ча́до — дитя, ребёнок. Иоанн Богослов в посланиях обращается к своим ученикам ласково-уменьшительно, по-церковнославянски это звучит «чадца», по-русски вернее было бы — «детки», но принято переводить как «дети».

Эскула́п — бог врачевания у древних римлян (у греков — Аскле́пий).

Юпи́тер — главное божество Древнего Рима, «отец богов и людей», повелитель неба и земли, грома и молнии, ветров и дождей. У греков — *Зевс*.

Язы́чество — всякая религия, основанная на поклонении многим богам (заведомо ложным, так как Бог — один) и одушевляемым силам природы.

Содержание

Жребий апостола 5
Кораблекрушение 8
В Эфесе 11
Гибель Домна 17
Воскрешение 20
Чудеса перед храмом Артемиды 22
Месть 24
На пути в ссылку 30
Бегство прорицающего духа 35
Чародей Кинопс 38
Кто сильнее? 41
«Великий бог Волк» 47
Старый знакомый 50
Нукиан 52
Сокровище Патмоса 57
Возвращение в Эфес 60
История юноши 60
Недейственный яд 66
Кончина 75
Тропарь, глас 2-й 81
Объяснение тропаря 82

Святой апостол Иоанн Богослов в нашей жизни 83
Из 1-го послания апостола Иоанна Богослова 86
Вспомним Евангелие 89
Чудо о Гусаре́ и иконе 97
Иоанн Богослов в России 103
Словарь непонятных слов и выражений 107

Апостол и евангелист
ИОАНН БОГОСЛОВ

Собрала и пересказала
Елена Тростникова

Художник
Юрий Черепанов

Редактор
Наталья Загребина

Сканирование и верстка
Александр Терентьев

Технический редактор
Зинаида Кондрашова

Корректор
Людмила Яшина

Издание религиозно-просветительское

Подписано в печать 12.02.02
Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 3135
Издательский Совет
Русской Православной Церкви
119435, Москва,
Погодинская ул., д. 20, корп. 2
ЛП № 05181 от 25.06.01

Отпечатано с готовых диапозитивов
ГУПП «Детская книга» МПТР РФ
127018, Москва, Сущевский вал, д., 49

